

R 272.261
2

Каландадзе, В. и Мхеидзе, В.

Очерки революц. движения
в Грузии.

Варл. Каландадзе и Вл. Мхеидзе.

361736320
30820101333

(47.93) 9

ОЧЕРКИ К 170

РЕВОЛЮЦИОННАГО ДВИЖЕНІЯ

— ВЪ ГУРІИ. —

Книгоиздательство
„ЭПОХА“.

Цѣна 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

272 261 2

272 261 2

„1905
:323.2

ქართული
საქმიანობა

R 272.261
2

Кто не слышалъ о стойкой борьбѣ гурійскаго крестьянства за землю и волю, за права трудящихся?

Вѣсти о движеніи въ Гуріи *) доходили и до Россіи, до русскаго народа, но онѣ даютъ лишь слабое представленіе объ истинномъ характерѣ, о размѣрахъ и глубинѣ этого движенія.

Отличительной чертой его является тѣсная связь съ движеніемъ городского пролетаріата, не только личная—черезъ гурійцевъ городскихъ рабочихъ, но и по внутреннему содержанию, приемамъ борьбы и формамъ организациі; во главѣ крестьянскаго движенія въ Гуріи съ самаго начала встала партія пролетаріата—соціалдемократическая партія,—которая нашла здѣсь хорошо подготовленную почву для пропаганды не только идей политической свободы и борьбы, но и социалистическаго ученія.

Громадное большинство гурійскаго крестьянства—не самостоятельные хозяева, это скорѣе полупролетаріи или даже настоящіе пролетаріи; ихъ земледѣльческое хозяйство, при тѣхъ земельныхъ отношеніяхъ, какія сложились послѣ уничтоженія крѣпостного права, въ самомъ лучшемъ случаѣ даетъ возможность только лишь не умереть съ голода.

*) Гурія представляетъ собою маленькій уголокъ Западной Грузіи. Ея границами служатъ: съ востока—Гурійско-Аджарскія горы, съ юга—тотъ-же хребетъ и рѣка Чолэки, съ Запада—Черное море и съ сѣвера—Нигитскій хребетъ и рѣка Ріонъ. Всего насчитывается въ ней около 100 тысячъ населенія, живущаго въ 25 обществахъ (въ каждомъ обществѣ—по нѣсколько селеній) Озургетскаго уѣзда Кутаисской губерніи.

საქართველოს ეროვნული ბიბლიოთეკა

— Такія селенія, какъ Хидистави, Амаглеба, Суреби, Чохатаури и пр., отсылають большую часть своихъ рабочихъ рукъ въ промышленные центры Кавказа, главнымъ образомъ въ Батумъ, Поти, Новороссійскъ. Гурійцы составляютъ значительную часть промышленныхъ рабочихъ по всему побережью Чернаго моря; много ихъ идетъ и на бакинскіе промысла, а также въ Тифлисъ и другіе города. Нужда разбросала ихъ по всей Россіи и загнала даже на востокъ Азіи, гдѣ ихъ насчитывается нѣсколько десятковъ тысячъ душъ.

Такимъ образомъ, движеніе гурійскаго крестьянства вызвано глубокими социальными причинами. Но, вставши на борьбу за лучшую долю, они встрѣтились лицомъ къ лицу съ злѣйшимъ врагомъ всего трудящагося народа — самодержавной бюрократіей. Борьба съ этимъ врагомъ и заняла все вниманіе и силы гурійцевъ за послѣдніе два—три года.

Стойкость и единодушіе ихъ въ этой борьбѣ должна послужить примѣромъ для всѣхъ обиженныхъ и обездоленныхъ и влить въ ихъ сердца надежду на лучшее будущее на скорое освобожденіе отъ гнета безправія и нищеты.

Съ другой стороны, гурійское движеніе дало яркій примѣръ того, какую крупную роль можетъ и долженъ сыграть городской пролетаріатъ, объединенный подъ знаменемъ социаль-демократической партіи, въ дѣлѣ освобожденія и просвѣщенія широкихъ массъ сельскихъ рабочихъ и мелкаго земледѣльческаго крестьянства.

1. Экономическое и политическое положение крестьянства.

Какъ же жили до сихъ поръ гурійскіе крестьяне? Кто хоть разъ проходилъ по гурійской деревнѣ и скольконибудь всматривался въ жизнь гурійцевъ, тотъ легко долженъ былъ замѣтить, какая тяжелая, невыносимая нужда царить среди нихъ. День и ночь работаютъ, полуголодные, и вознагражденіе за все это — нищета, безысходная бѣдность. Пойдите на собраніе крестьянъ: вы увидите угрюмыя безнадежныя лица, на которыхъ лежитъ печать глубокихъ страданій; вы замѣтите, что всѣ присутствующіе находятся въ глубокой нуждѣ, что жизнь схватила ихъ за горло своею суровою рукою и грозитъ ежеминутно задушить.

Заботы о томъ, чѣмъ завтра прокормить семейство, что заплатить стоящему у дверей чиновнику, священнику, ростовщику — не даютъ покоя крестьянину. Спать онъ или бодрствуетъ, ходить или сидеть, — всегда и вездѣ встаетъ передъ нимъ грозный призракъ нужды. Посмотрите на его жилище со стороны, — вы подумаете, что не совсѣмъ еще разорена деревня. Но войдите въ самое помѣщеніе: тамъ вся обстановка свидѣтельствуетъ о крайней бѣдности. Присмотритесь, чѣмъ питаются крестьяне въ продолженіе цѣлаго года: кукурузный хлѣбъ (чурекъ) и лобія — вотъ ихъ главная пища; изрѣдка увидите на столѣ сыръ — это уже почти роскошь. Зайдите къ комунибудь изъ нихъ, какъ гость и вы увидите, какъ замужнія женщины и дѣвицы откапываютъ изъ завѣтныхъ угловъ свою обувь: обычно онѣ ходятъ босикомъ, сберегая обувь лишь для особо важныхъ случаевъ. Распросите крестьянина о его жизни — вы услышите душу раздирающій рассказъ:

— „Что дѣлать не знаемъ“, — говоритъ одинъ, — „голодомъ“

измученная душа не хочет разстаться съ тѣломъ. Мы работаемъ безъ конца, а все, что добываемъ, достается другимъ. Вечеромъ не хочется видѣть утра, и утромъ — вечера"...

— „Смерть въ десять разъ лучше нашей жизни“, услышите отъ другого, и т. д.

Чѣмъ вызвано это невыносимое экономическое положеніе крестьянина?

Двѣ трети земли, годной для воздѣлыванія, находится въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ-дворянъ и казны и только остальная треть принадлежитъ крестьянамъ. Но что значить это „принадлежитъ“? Всѣ крестьяне дѣлятся по отношенію къ владѣнію землей на нѣсколько группъ. Около половины домохозяевъ еще находится почти въ полной крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ, это—временно обязанные, не выкупившіе своихъ надѣловъ; ихъ обираютъ на самомъ „законномъ“ основаніи. Тѣ-же, кому посчастливилось обзавестись собственнымъ клочкомъ земли, принуждены все равно арендовать землю у того же помѣщика и влѣзать въ кабалу, или же бросать ее и идти продавать свою рабочую силу въ городахъ. Кромѣ того, самый выкупъ, часто принудительный, вгоняетъ ихъ въ долги ростовщику, такъ какъ добыть нужную сумму больше неоткуда. Нерѣдки также случаи, когда помѣщикъ, получивъ за землю трудомъ сколоченную сумму, оказывался потомъ снова хозяиномъ этой земли,—суда искать на него трудно! Слѣдующая группа — это казенные или государственные крестьяне. Они пользуются такими же клочками земли, какъ и прочіе крестьяне, но въ дѣйствительности положеніе ихъ еще хуже. Если крестьянинъ, выкупившій свой надѣлъ, можетъ по крайней мѣрѣ распорядиться своимъ клочкомъ, какъ ему угодно—сдать, продать, то у казеннаго нѣтъ и такого утѣшенія. Это вѣчный арендаторъ, привязанный къ землѣ крайней нуждой и невозможностью про-

кормить себя и семью, помимо отведеннаго ему казной куска земли, отведеннаго при томъ за непомѣрные платежи.

Наконецъ,—такъ называемые хизаны ^{Они бнѣ} были крѣпостными, но не были никогда и свободными. Когда-то, давно ихъ предки пришли въ Грузію и поселились на земляхъ помѣщиковъ, на правѣ вѣчной аренды и слѣдовательно—вѣчной кабалы. За землю они отбываютъ извѣстныя повинности, какія захочетъ помѣщикъ, платятъ массу всевозможныхъ налоговъ въ его же пользу, натурой и деньгами. Своей земли у хизана нѣтъ и слѣдовательно волей-неволей ему приходится впрягаться въ то ярмо, которое наложить на него помѣщикъ или же бросать деревню.

Гуриецъ-крестьянинъ въ среднемъ имѣетъ не болѣе 2—3 кцевъ (1800—2700 кв. с.) пахатной земли, которая при всемъ стараніи земледѣльца не въ состояніи прокормить его семью. За отсутствіемъ средствъ, онъ не въ состояніи хорошо воздѣлать землю, удобрить ее и вообще ввести какія бы то ни было улучшения въ своемъ хозяйствѣ. При такихъ условіяхъ ему неизбѣжно приходится наниматься въ батраки къ помѣщику, или увеличить свою запашку арендой, или же отправиться въ городъ искать себѣ заработка. За послѣдніе 10 лѣтъ замѣчается сильное бѣгство крестьянъ изъ деревень въ города. Изъ нѣкоторыхъ деревень почти добрая половина уже ушла въ городъ; отправляется туда въ особенности молодежь, а въ деревняхъ остаются женщины, старики и дѣти.

И разъ кто ушелъ въ городъ, онъ рѣдко возвращается обратно въ село. Городская жизнь все болѣе и болѣе притягиваетъ и располагаетъ къ себѣ, и у крестьянина теряется всякая охота влачить полуголодное существованіе при каторжномъ трудѣ на своемъ клочкѣ земли. Но, съ другой стороны, въ послѣднее время въ городахъ все болѣе увеличивается число безработныхъ; это вынуждаетъ многихъ возвращаться опять въ деревню, въ прежнюю

убогую обстановку. Возвратившись въ деревню, рабочій находитъ тотъ-же ничтожный клочекъ земли, соб-
ственной или арендованной земли; если у него есть соб-
ственная земля, то побившись на ней некоторое время,
онъ неизбѣжно принужденъ арендовать землю у помѣ-
щика, а арендовать — это значить работать на другихъ,
самому-же жить впроголодь.

Здѣсь напередъ уже опредѣлена арендная плата, кото-
рую крестьянинъ долженъ дать помѣщику за землю. За
кцеву пахатной земли нерѣдко приходится платить 12—25
пудовъ кукурузы, смотря по качеству земли, при среднемъ
сборѣ съ кцевы отъ 20 до 35 пудовъ.

Въ старину, при существованіи натурального хозяйства,
помѣщики менѣе тяжкимъ бременемъ висѣли на шеѣ на-
рода, чѣмъ теперь. Капитализмъ непомерно развилъ аппе-
титы помѣщиковъ; чѣмъ больше дерутъ они съ своихъ
данниковъ-крестьянъ за сданную имъ землю, тѣмъ больше
на рынкѣ получаютъ они денегъ, а деньги не знаютъ
мѣры. Развились и ихъ собственныя потребности и при-
вычки и все это можетъ быть покрыто, конечно, только
доходомъ съ имѣнія. Въ урожайный годъ еще, быть можетъ,
останется что либо у крестьянина, но въ годъ неурожай-
ный онъ встрѣчаетъ осень съ совершенно пустыми руками.
Нерѣдко приходится еще самому приплачивать; въ 1902 г.
часто были случаи, когда крестьяне изъ собственныхъ
средствъ, путемъ займа, удовлетворяли ненасытныхъ по-
мѣщиковъ. Для опредѣленія арендной платы здѣсь суще-
ствуетъ еще такъ называемая оцѣночная система. Управ-
ляющіе помѣщиковъ обходятъ пахатныя земли и во сколько
они оцѣнятъ, столько и долженъ платить крестьянинъ;
если не подкупить управляющаго, такъ онъ двѣ трети уро-
жая возьметъ для помѣщика.

Добавьте къ этому еще то, что сверхъ натурального
платы, помѣщикъ беретъ еще и денежную (обычно—рубль

съ кцевы); затѣмъ — плату за пастбища, которыхъ почти совсѣмъ нѣтъ у крестьянъ, плату за покосъ и вамъ станетъ ясно стѣсненное положеніе гурійскаго крестьянина. Мало этого, на немъ лежатъ высокіе, сравнительно съ его доходомъ, государственные налоги, налоги въ пользу духовенства и масса натуральныхъ повинностей, какъ исправленіе дорогъ, караулы, содержаніе лошадей для разъѣздовъ чиновниковъ. „Этими лошадьми пользуются какіе-то чиновники,“ рассказывалъ депутатъ общества Бахли, „и ихъ родные-знакомые, которые безбожно обращаются съ чужимъ добромъ, отчего лошади часто погибаютъ. Мы-же, крестьяне, обязаны при этомъ оберегать ихъ по дорогѣ, въ горахъ и дачныхъ мѣстахъ, гоняться за ними пѣшкомъ съ ихъ вещами на спинѣ, когда они изволятъ разъѣзжать верхомъ“...

А что такое сельское самоуправленіе? Крестьяне выбрали старшину или судью, но если онъ не нравится приставу или уѣздному начальнику, — его не утверждаютъ: желанія сельскаго схода не примутъ во вниманіе, хотя не имѣютъ на это права даже по существующему русскому закону. Но кто считается съ закономъ? Для самодержавнаго правительства развѣ писанъ законъ!?

На сельскомъ сходѣ или въ канцеляріи (сельскомъ правленіи) стоитъ приставъ съ плетью въ рукѣ, готовый пустить ее въ ходъ при первомъ удобномъ случаѣ; и крестьянскія спины должны были принимать удары, но не потому, чтобы крестьяне чтили въ его лицѣ власть, а потому, что за спиной пристава стоитъ вооруженная сила... Только дружное объединеніе могло потомъ побѣдить эту силу.

Далѣе, сколько было примѣровъ, когда какой либо обанкротившійся дворянинъ или князь самъ сжигалъ свой домъ, чтобы получить 200—300 рублей штрафа съ крестьянъ, которыхъ онъ же и обвинялъ въ поджогѣ! Сами власти — старшина, приставъ и уѣздный начальникъ — занимаются

воровствомъ и всѣ воры и разбойники находятъ у нихъ пріютъ и защиту. Пропало что нибудь, — солдаты не ищутъ; нуждается ли кто изъ крестьянъ въ разрешеніи какого либо дѣла, его не удовлетворяютъ, пока не подкупить чиновника; чтобы достать паспортъ, нужно возиться цѣлую недѣлю, угощать старшину и писаря; обидѣлъ кто и обокралъ васъ, — не ждите суда и расправы надъ виновникомъ: хорошо, если и пострадавшаго не арестуютъ! Какой либо проходимецъ, попавшій въ помощники старшины, воленъ сдѣлать съ крестьяниномъ все, что ему угодно.

Таковы условія, въ которыхъ влачило свою жизнь громадное большинство гурійскаго крестьянства. Плохое платье и питаніе, на половину разрушенныя, дымящіяся избы, ежедневный продолжительный трудъ, частыя заболѣванія и преждевременная смерть — вотъ картина сельской жизни.

II. Волненія въ Батумѣ и неурожай 1901 года; начало движенія.

1902 годъ былъ въ высшей степени важенъ для Кутаисской губерніи. Онъ во многихъ мѣстахъ нарушилъ прежнюю тишину могилы. Скромный и смирный долготѣ житель превратился въ безустаннаго, смѣлаго и непримиримаго борца за правду, свободу и честь. Кто могъ подумать, что вчерашній безотвѣтный рабъ — сегодня заявить о своихъ гражданскихъ правахъ и потребуеть своей доли на жизненномъ пиру?

Въ послѣднихъ числахъ февраля мѣсяца 1902 года въ Батумѣ начались грандіозныя забастовки. Причиной забастовокъ было, между прочимъ, увольненіе съ фабрикъ 366 рабочихъ, какъ лицъ „неблагонадежныхъ“. Требованія рабочихъ не были удовлетворены. Напротивъ, правительство вмѣшалось въ это дѣло и въ одну ночь арестовало до 60 рабочихъ, какъ главарей „бунта“. Это еще болѣе ожесто-

чало рабочихъ; 8 марта они направились къ тюрьмѣ-крѣпости, но ничего не добились. Попытка освободить арестованныхъ товарищей была повторена и 9 марта, но окончилась убійствомъ 19 рабочихъ и преданіемъ суду тѣхъ, кто былъ взятъ раненымъ на полѣ битвы. Но правительство этимъ не ограничилось; оно пустило въ ходъ весьма опасную для него мѣру: высылку рабочихъ на родину, по деревнямъ. Цѣлый мѣсяцъ не прекращалось выселеніе ихъ въ деревни этапнымъ порядкомъ. Добрую половину батумскихъ рабочихъ составляли гурійцы, поэтому то въ Озургетскій уѣздъ было выслано больше всего рабочихъ.

Вотъ этотъ-то фактъ и сыгралъ въ высшей степени важную роль въ дѣлѣ пробужденія революціоннаго духа полупролетарскихъ массъ гурійскаго крестьянства. Гурійцы-рабочіе, проникнутые въ значительной своей части духомъ социалистическаго ученія подъ вліяніемъ пропаганды социальдемократіи, внесли новую, освѣжающую струю въ затхлую атмосферу деревни. Смутное, но глубокое чувство недовольства крестьянской массы всѣмъ существующимъ укладомъ жизни они превратили въ могучее стремленіе совмѣстной, организованной борьбой свалить опоры этого уклада.

Крестьяне-земледѣльцы и раньше съ сочувствіемъ смотрѣли на борьбу рабочихъ въ городахъ за лучшее будущее; теперь-же они на дѣлѣ убѣдились въ томъ, что не ошиблись въ своемъ сочувствіи.

Разбросанные по деревнямъ рабочіе выясняли крестьянамъ свои требованія, предъявленные капиталистамъ и администраціи, излагали передъ ними социальдемократическую программу, распространяли литературу и прокламаціи. До высылки рабочихъ, въ деревняхъ рѣдко можно было встрѣтить подпольныя изданія; теперь, наоборотъ,

рѣдкое семейство не имѣло у себя прокламацій и подпольныхъ брошюръ.

Крестьянство быстро революціонизировалось. Этому способствовали еще и тѣ чрезвычайныя бѣдствія, которыя обрушились на населеніе послѣ неурожайнаго 1901 года. Этотъ годъ былъ въ высшей степени несчастнымъ для крестьянина-земледѣльца. Урожай былъ настолько плохъ, что сплошь и рядомъ не покрывалъ даже арендной платы; многимъ арендаторамъ пришлось доплачивать помѣщику изъ своего скуднаго сторонняго заработка или влѣзать въ долги къ ростовщику.

Еще въ началѣ мая 1902 года произошло нѣсколько схватокъ съ помѣщиками въ селѣ Ниготи, гдѣ больше всего ощущался недостатокъ земли. Здѣшніе помѣщики, князя Мачутадзе, и ихъ управляющіе крайне притѣсняли крестьянъ: взыскивали половину урожая съ арендованныхъ земель, обложили большими налогами пастбищныя мѣста и пр. Крестьяне и раньше имѣли столкновенія съ ними, и споръ, возникшій въ 1902 году по поводу пастбищныхъ мѣстъ былъ результатомъ давно накопившагося недовольства. Всякій, сколько нибудь внимательный человекъ могъ замѣтить, что оно было вызвано не какимъ либо особымъ положеніемъ дѣлъ въ Ниготи: такъ же обстояло дѣло и въ другихъ деревняхъ.

Это стихійное, неорганизованное движеніе нуждалась въ руководителяхъ, которые могли-бы направить накопившееся недовольство по одному руслу. Къ этому времени въ деревняхъ уже образовались группы интеллигентовъ. Первоначальной цѣлью этихъ группъ было распространеніе литературы; поддерживая связь съ городскими организаціями и получая оттуда нелегальную литературу, интеллигенты распространяли ее среди крестьянъ; на ряду съ этимъ велась, конечно, и устная пропаганда, но она носила сначала чисто личный, случайный характеръ. Событія въ Ни-

гойти дали поводъ вмѣшаться въ распрю между крестьянами и помѣщиками. Въ Ниготи устроено было нѣсколько тайныхъ сходокъ, говорились рѣчи о положеніи всего сурійскаго крестьянства, производившія сильное впечатлѣніе на сельчанъ. Вѣсть объ этомъ скоро облетѣла другія селенія и во многихъ мѣстахъ заявляли желаніе, чтобы и у нихъ были устроены такія же бесѣды. Народъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія въ село „студента“, какъ онъ называлъ пропагандиста. Въ немъ видѣли непобѣдимую силу. И съ этого времени собранія по селамъ слѣдовали одно за другимъ. Какая жажда свѣта у этихъ забытыхъ бѣдняковъ! Какое непреодолимое стремленіе узнать, наконецъ, гдѣ же корень всѣхъ золъ жизни и гдѣ лежитъ тотъ путь, который выведетъ изъ невыносимаго положенія... Въ началѣ мая было устроено собраніе въ Микель-Габріельскомъ обществѣ. Мѣсто было выбрано за селомъ, въ лѣсу. Когда пропагандисты подошли къ нему, передъ ними открылась великолѣпная картина. На рѣдкость тихій вечеръ, прозрачное небо. На возвышенномъ мѣстѣ, среди лѣса расположилось нѣсколько сотъ человѣкъ въ безмолвномъ ожиданіи чего то чрезвычайно важнаго. Вотъ придутъ „они“, которые откроютъ все, что крестьянамъ такъ нужно, необходимо знать... Луна гордо смотритъ съ высоты! Кругомъ ни звука. Подошла еще кучка сельчанъ, человѣкъ 200, изъ одного села. „Ну, время начать!“—сказалъ одинъ изъ руководителей и бесѣда началась. Говорили обо всемъ, что только можетъ имѣть отношеніе къ жизни крестьянина. Обсужденіе велось оживленно и въ немъ принимали участіе всѣ присутствующіе. Взошло солнце и сельчане, принявъ присягу не измѣнять общему дѣлу, разошлись, чтобы приняться послѣ безсонной ночи за тяжкій дневной трудъ.

28 мая было устроено довольно многолюдное собраніе въ с. Чочхати, затѣмъ, въ срединѣ іюня,—въ районѣ

с. Сулсы, въ селеніяхъ Хварбети, Гурианта, Дзавзу, Мамати, Дзимити и др. Пропагандистамъ положительно не давали покоя, требуя хотя одинъ вечеръ посвятить тому или иному селенію. Собранія чаще всего устраивались гдѣ нибудь подальше отъ деревни. Бесѣда продолжалась обыкновенно всю ночь. На первомъ планѣ всегда стояла, конечно, масса всевозможныхъ вопросовъ практическаго характера. Надо замѣтить, что у пропагандистовъ не имѣлось строго выработанной программы и напередъ определенной системы занятій, поэтому каждый изъ нихъ развивалъ свои мысли передъ слушателями по своему. Говорили обо всемъ, но отсутствіе выработаннаго плана занятій отзывалось, конечно, неблагоприятно на результатахъ работы и народъ не всегда выносилъ ясное представленіе о томъ, что говорилось. Главное вниманіе было обращено на экономическое положеніе крестьянъ. Въ этихъ бесѣдахъ обычно прежде всего обсуждался вопросъ объ отношеніи крестьянъ къ помѣщикамъ и духовенству, выяснялись способы борьбы съ ихъ эксплуатаціей и формулировались необходимыя требованія. Однимъ изъ средствъ борьбы предлагали бойкотъ.

Вообще агитаторы старались на первыхъ порахъ возбудить въ крестьянствѣ духъ борьбы за свою долю, не выдвигая пока пунктовъ специально-пролетарской программы. Но почва была уже достаточно подготовлена самою жизнью и проповѣдь находила себѣ самый живой откликъ въ массахъ и готовность слѣдовать тѣмъ указаніямъ, какія давалъ агитаторъ-пропагандистъ. Руководителей-интеллигентовъ народъ въ большинствѣ случаевъ зналъ лично. Конспирація совершенно отсутствовала. Гдѣ что дѣлалось и что происходило,—всѣ объ этомъ знали. Да при тогдашнихъ условіяхъ иначе и невозможно было поступать. Народъ рѣшительно требовалъ, чтобы на собраніяхъ могъ участвовать каждый желающій, и если при-

ходилъ незнакомый „студентъ“, то его сопровождалъ непремѣнно извѣстный народу агитаторъ.

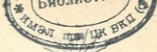
Помѣщики и духовенство на первыхъ порахъ, только усмѣхались по поводу возникшаго въ крестьянствѣ движенія. „Гдѣ это видано, чтобы они могли устоять противъ казаковъ, которые придутъ сюда“, часто можно было слышать отъ нихъ. Нужно добавить, что не только они, но и многіе изъ искреннихъ друзей народа не особенно вѣрили въ успѣхъ движенія. Командующія сословія, конечно, смотрѣли на крестьянина, какъ на послушнаго раба начальства, какъ на существо, которое безпрекословно перенесетъ всякія неудобства и несправедливости въ жизни. Но жизнь взяла свое, она показала, что терпѣнію крестьянства тоже бываетъ конецъ, что и его консервативная природа способна пробудиться и сдѣлать изъ него смѣлаго борца за право и правду.

Волненія, однако, принимали все болѣе и болѣе серьезный характеръ. Помѣщикамъ и духовенству приходилось теперь уже посерьезнѣе взглянуть на положеніе дѣлъ. Крестьяне прямо уже грозили имъ: „если вы не будете поступать по нашему желанію, мы насильно принудимъ васъ къ тому“. Начали съ бойкота помѣщичьихъ экономій, и тутъ-то лакейская природа недавнихъ рабовладѣльцевъ сразу-же сказала: помѣщики начали на словахъ льстить народу и соглашаться на его требованія, страстно ожидая въ то-же время близкую помощь со стороны правительства. „Верите землю за третью часть урожая, съ пастбищъ ничего не взыщу“—говорилъ правительственный шпионъ Эсика Накашидзе. Отказывались также и многіе священники отъ драмоваго сбора. Лицемѣріе этихъ духовныхъ отцовъ не имѣло предѣла. Лъстивыми словами и лъстивымъ обращеніемъ старались они сдержать народъ отъ открытаго возмущенія. „Мы и сами раньше еще хотѣли уничтожить драмовый сборъ“, говорили они. Но такъ они

лишь говорили, на дѣлѣ они ковали цѣпи народу: камера уѣзднаго начальника постоянно была полна помѣщиками и священниками. „Помогите, народъ обратится, страна погибаетъ!“—взывали они. Однако ^и ^{бѣднѣе} ^и ^{бѣднѣе} ^и ^{бѣднѣе} ^и ^{бѣднѣе} начальство, ошеломленное быстро выросшимъ народнымъ движеніемъ, пока еще не рѣшалось вмѣшаться въ дѣло.

Не смотря на то, что пропагандисты старались показать на сходкахъ всю бессмысленность террора, народъ все же придавалъ такому способу борьбы громадное значеніе. Участились избіенія упрямыхъ помѣщиковъ и шпионовъ. Послѣднихъ народъ особенно ненавидѣлъ, и если кто осмѣливался брать на себя подобную роль, то дни его были сочтены. Типичный феодалъ Давидъ Гуріели нѣсколько разъ обращался къ губернатору: „дайте мнѣ войско, какъ бывшему офицеру милиціи, и я заставлю ихъ проклинать свою судьбу; я доведу ихъ до того, что они пожелаютъ возвращенія крѣпостного права!“ Это стало извѣстно народу, и князь былъ убитъ около с. Супси. Убили также въ Хидистави Варнаву Карцивадзе. Стрѣляли въ Эсика Накашидзе и Телемака Гуріели, и подобныхъ случаевъ было масса.

Нѣкоторые помѣщики совершенно оставляли имущество и бѣжали въ города. Ужась объялъ всѣхъ. Начальству не давали покоя. Созвано было тайное дворянское собраніе въ г. Озургетахъ. На этомъ собраніи постановлено было ходатайствовать передъ высшимъ начальствомъ о немедленной помощи. Выработаны были также мѣры самообороны. Главарями этого дѣла были Коція Эристави, Бедія Кобахидзе, Титико Эристави и, вообще, многіе представители сіятельнаго сословія. Кое кто изъ этихъ благородныхъ мужей требовалъ даже ввести розги на Кавказѣ.

III. Уроки политическаго воспитанія.

ՀԱՄԱՐ ԵՅՅԵՈ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ԿՐԹԱԳՐԱԴԱՐԱՆ

К-мх. 261

65593

Движеніе разросталось съ удивительной быстротой и правительство, видимо, рѣшило принять свои мѣры. „Бунтъ“ не охватилъ еще всѣхъ селеній, но это было дѣломъ ближайшаго будущаго.

Нужно замѣтить, что агитаторы въ началѣ мало вниманія удѣляли общеполитической сторонѣ дѣла и только изрѣдка, мимоходомъ, старались выяснитъ связь между безправіемъ и нищетой крестьянства съ общеполитическими условіями Россіи. Для широкихъ массъ народа эта связь была еще не совсѣмъ ясна; вниманіе ихъ главнымъ образомъ было направлено на помѣщиковъ и духовенство; народъ думалъ, что если отъ правительства и нельзя ждать помощи въ борьбѣ съ ними, то оно во всякомъ случаѣ и не будетъ мѣшать этой борьбѣ. Всѣ насилія и издѣвательства мѣстныхъ властей онъ приписывалъ главнымъ образомъ ихъ личной испорченности. Нерѣдко въ народѣ можно было слышать: „Государь держитъ нашу сторону; студентовъ высылаетъ онъ; онъ ихъ проситъ: „идите, поднимайте народъ, заставляйте его бунтовать противъ помѣщиковъ“. Такъ думалъ въ своей наивной простотѣ бѣднякъ крестьянинъ и дѣйствительность не замедлила жестоко посмѣяться надъ нимъ и вырвать съ корнемъ эту вѣру въ благожелательность правительства. Правительство приступило къ своимъ мѣропріятіямъ по части этого „успокоенія“. Кутаисскому губернатору Смагину было предложено объѣхать гурійскія села и убѣдиться лично, какъ обстоятъ дѣла и онъ убѣдился въ томъ, что отъ прежней покорной Гуріи не осталось и слѣда. Чтобы познакомиться съ взглядами и стремленіями населенія, онъ устраивалъ сходки и спрашивалъ: „скажите, въ чемъ вы нуждаетесь и я удовлетворю васъ“. Но когда, напримѣръ, въ с. Джу-

ՀԱՄԱՐ ԵՅՅԵՈ
ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ԿՐԹԱԳՐԱԴԱՐԱՆ

мати одинъ изъ крестьянъ ярко охарактеризовалъ свою нужду и выставилъ требованія, Смагинъ разсердился: „ты врешь, это тебя научили вольношатающіеся! Другой разъ не смѣйте говорить мнѣ подобныхъ вещей, а то я насъ всѣхъ въ Сибирь сошлю!“ Жители с. Чачхети просили у него хлѣба: „у насъ голодъ, окажите намъ помощь!“—говорили они. Онъ на эту просьбу отвѣтилъ крикомъ и руганью.—„Если помощи намъ не будетъ, мы не въ состояніи будемъ платить налоги“,—сказалъ одинъ.—„Нѣтъ, вы должны платить и исполнять все, что вамъ будетъ приказано!“—„Если такъ, то возьмите ужъ и это, больше у меня ничего не осталось!“—сказалъ другой, сбросивъ съ ногъ высохшіе лапти, и шлепнувъ ихъ передъ губернаторомъ. Тотъ обидѣлся; онъ приказалъ немедленно арестовать гордаго крестьянина, но поднявшійся шумъ и движеніе среди толпы заставили его отмѣнить распоряженіе. Губернатору въ лицо говорили и кулаками угрожали, чтобы онъ никого арестовывать не смѣлъ. На слѣдующій день онъ собралъ Микель-Габріелевское сельское общество для переговоровъ. На сходкѣ присутствовало 500 чел. и отсюда губернаторъ вынесъ такое же впечатлѣніе, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Фамиліи выступавшихъ во время переговоровъ крестьянъ онъ записывалъ, желая, очевидно, этимъ устрашить непокорныхъ, но крестьяне не обращали на это никакого вниманія; они предъявили слѣдующія требованія: 1) отмѣнить существующій порядокъ взиманія платежей; понизить плату за аренду земли до $\frac{1}{8}$ — $\frac{1}{10}$ урожая; 2) уничтожить оброчные платежи за пастбища; 3) уничтожить акцизъ на спиртъ и водку; 4) сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ жителей мѣстности исправленіе проселочныхъ дорогъ и охрану церквей; 5) взимать со всѣхъ поровну расходы на межеванія; 6) уничтожить драмовый сборъ, и 7) уничтожить всѣ особыя сословныя права и преимущества и уравнивать всѣхъ передъ закономъ. Гу-

бернаторъ сперва было вскипѣлъ, но потомъ началъ олять наставлятъ народъ: „я знаю, что васъ обманываютъ какіе то бездѣльники, которые ходятъ къ вамъ по ночамъ и объясняютъ вамъ царскіе законы и дѣйствія правительства въ превратномъ смыслѣ; если вы имъ не повѣрите, тогда я обращаю вниманіе на ваши просьбы и все возможное исполню. Оброчные платежи не отъ меня зависятъ; по этому вопросу говорите съ помѣщиками, а драмовыя, если успокоитесь и обратитесь съ просьбою—упраздню“. На это крестьяне отвѣтили отказомъ. Тогда разсвирѣпѣвшему губернатору осталось только сѣсть въ вагонъ и стправиться въ Кутаисъ. Эта бесѣда только еще больше приободрила крестьянъ. По отъѣздѣ губернатора они устроили совѣщаніе о томъ, какъ имъ поступать въ будущемъ. „Товарищи, вы видите, какъ смотритъ на наши справедливыя требованія губернаторъ; онъ совершенно не принялъ во вниманіе нашу нужду и не хотѣлъ дать какого либо опредѣленнаго отвѣта. А разъ это такъ, то мы сами должны рѣшить и сами же устроить свое дѣло“, обратился къ народу одинъ изъ наиболѣе сознательныхъ крестьянъ. „Вѣрно, вѣрно!“—отвѣтилъ на это народъ. Рѣшено было не отступать отъ требованій, представленныхъ губернатору. Рѣшили также снять всю прислугу и работниковъ отъ упрямыхъ помѣщиковъ и прекратить съ ними всякія сношенія. Съ этой цѣлью были всюду разосланы особые уполномоченные. Затѣмъ было постановлено прекратить съ будущаго года всякую работу на ихъ земляхъ; здѣсь же крестьяне дали другъ другу клятву не измѣнять ни при какихъ обстоятельствахъ этому рѣшенію, послѣ чего направились съ пѣснями къ селамъ. вмѣсто знаменъ подняли красныя башлыки съ криками: да здравствуетъ единеніе! Долой помѣщиковъ и духовенство!

Рѣшеніе Микель-Габріельскаго общества было принято крестьянами и другихъ селъ; черезъ недѣлю послѣ этого

рѣдко могли встрѣтить прислугу у помѣщиковъ и духовенства.

Губернаторъ Смагинъ тѣмъ временемъ спросилъ у Голицына (бывшаго главноначальствующаго на Кавказѣ) распоряженій: „какъ поступить съ возставшей Гуріей?“ Наконецъ, согласно приказу свыше, 6 августа 1903 г. въ г. Озургеты прибылъ вице-губернаторъ съ сотней казаковъ и съ этого-то момента начинаются „героическія дѣла“ правительства! Здѣсь развертывается грандіозная картина разврата самодержавія! Впродолженіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ не прекращались репрессіи и разореніе трудящейся массы. На первую очередь былъ поставленъ Микель Габріель: 7 августа на ст. Натанеби вызвали 25 крестьянъ и между ними 4 интеллигента. Изъ нихъ явилось человѣкъ 19. Всѣхъ ихъ арестовали и держали подъ охраной казаковъ. Сельчанами было постановлено напасть на казаковъ и освободить задержанныхъ, но отъ этого предпріятія пришлось отказаться. На слѣдующій день всѣ арестованные были отосланы въ Кутаисъ. 8 августа въ сел. Нигоити задержали человѣкъ до 20, ихъ тоже отправили въ Кутаисъ. Арестовали многихъ также въ с.с. Супси, Чочхати, еще въ Нигоити, Микель-Габріели, Амаглеба, Хварбети, Хидистави и др. Шпіоны работали во всю! Тюрьмы въ Кутаисъ, Озургетахъ и Батумъ были буквально переполнены народомъ. Задержано было всего около 250 человѣкъ. Въ Гурію прибылъ теперь цѣлый полкъ солдатъ. Арестованныхъ направляли сперва въ Озургеты, а потомъ въ Батумъ или Кутаисъ. Водили пѣшкомъ, подъ нагайками, съ издѣвательствами и руганью; пощады не давали никому—ни дѣтямъ, ни старикамъ, ни больнымъ. Казаки и стражники, гарцуя на коняхъ, подгоняли ихъ плетями, принуждая бѣгомъ поспѣвать за лошадьми, и горе тѣмъ, кто не въ состояніи былъ бѣжать отъ усталости, или сла-

бости: нагайка ходила по ихъ спинамъ безъ всякой пощады, ихъ кусали лошади, подгоняемая сѣдоками.

Теперь Смагинъ опять поѣхалъ по деревнямъ, но уже съ солдатами и казаками. Вызывалъ онъ ^{каждое село} въ отдѣльности (а не общества), чтобы вмѣстѣ ^{собранный} народъ не могъ оказать сопротивленія. Всякаго, кто рѣшался сказать хоть слово въ оправданіе, онъ арестовывалъ и передавалъ казакамъ для расправы. Издѣвательствамъ не было конца. По всей Гуріи были закрыты библіотеки-читальни, которыя до того были почти въ каждомъ селеніи. Учителя, по показаніямъ шпіоновъ, арестовывались или увольнялись. У семи сельскихъ обществъ было отнято право выбора старшинъ и посажены правительственные — съ окладомъ 450—500 р. въ годъ. Въ каждое изъ бунтующихъ сель губернаторъ послалъ солдатъ по 50—60 чел. на полномъ содержаніи крестьянъ. Всюду для взысканія драмоваго сбора въ пользу духовенства были разосланы стражники, которые расправлялись съ населеніемъ, какъ хотѣли; если не было денегъ—они брали вещи. Чтобы вывѣдать „крамолу“, Смагинъ задерживалъ челоуѣка по 4—5 на нѣсколько дней при канцеляріяхъ, надѣясь такимъ путемъ заставить малодушныхъ выдать своихъ товарищей. Въ Озургетахъ подъ плетью заставляли выдавать главарей движенія. Но напрасно! Народъ не выдавалъ своихъ руководителей, хотя всѣ почти знали ихъ.

Теперь-то промотавшіеся князья увидѣли удобный моментъ для того, чтобы поправить свои дѣла; они дружно поджигали свои развалившіеся, размотанныя имѣнія, сваливая вину на крестьянъ, а начальство оцѣнивало въ десять разъ выше стоимости сгорѣвшее имущество и взыскивало съ народа. Возмутительную картину представляло изъ себя въ это время село. Можно было подумать, что настали времена нашествія Ага-Магометъ-Хана. Народъ недоумѣвалъ и не зналъ, что же такое совершается надъ его го-

ловой? Недавно только выступивъ на арену борьбы, онъ не зналъ еще того, чтобы власти, по указанію и подъ руководствомъ самого правительства ~~заставили~~ ^{заставили} безпощадно и безсовѣстно могли поступать съ нимъ. ~~Онъ получилъ~~ ^{Онъ получилъ} теперь первые наглядные уроки въ широкое масштабъ и сдѣлалъ свои выводы: *необходима борьба со всемъ политическимъ строемъ, потому что есть мѣстные несгоды и нужды нельзя устранить частичной, мѣстной борьбой.*

IV. Организація боевыхъ силъ; періодъ систематической пропаганды и агитаціи.

Физиономія правительства достаточно выяснилась для народа; лучшую часть его оно заключило въ тюрьмы за высказанную правду. На справедливыя требованія народа оно отвѣтило плетью, экзекуціями и тюрьмами. Въ теченіе 3½ мѣсяцевъ пять селеній были переполнены солдатами. На всѣхъ, кто только не занимался шпіонствомъ, смотрѣли подозрительно и достаточно было незначительнаго повода и они оказывались въ тюрьмахъ. Мѣстнымъ представителямъ правительства всюду снились революціонеры; не проходило недѣли, чтобы при канцеляріи не созывали сходки и чтобы какой нибудь правительственный чиновникъ не давалъ народу почувствовать всей тяжести произвола.

Во время уборки урожая за крестьянами въ полѣ постоянно ходили стражники и силой брали то, что хотѣлъ помѣщикъ за арендованную у него землю; всякое сопротивленіе крестьянина этому открытому грабежу, вело за собой арестъ. О судѣ надъ арестованными нечего, конечно, было и думать. Многихъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заключенія, выслали изъ Кутаисской губерніи *). Группу въ

*) Въ числѣ высланныхъ былъ и Ной Жорданія, социалдемократъ, выбранный теперь въ члены Гос. Думы, а также и Сильвестръ Джибладзе.

тридцать человекъ выдѣлили особо и нарядили жандармское слѣдствіе. Тянулось оно цѣлый годъ, въ теченіе котораго узники вынесли всѣ ужасы тюремнаго режима. Приговорены они были къ ссылкѣ въ Архангельскую губ. и Восточную Сибирь, отъ 3 до 10 лѣтъ.

Во избѣжаніе „скандаловъ“ и повторенія „бунта“ правительство смѣнило и нѣкоторыхъ чиновниковъ. Уволено было нѣсколько „слабыхъ“ приставовъ, увеличенъ штатъ полиціи и въ селахъ заведены постоянные тайные агенты полиціи. Уѣзднаго начальника Лазаренко за недостатокъ энергіи перевели въ другое мѣсто, а взамѣнъ его назначили извѣстнаго всѣмъ любителя плетей и розогъ—Ивана Джапаридзе. Этотъ двуногій звѣрь ничѣмъ не гнушался, чтобы какъ нибудь утратить народъ и ослабить революціонное движеніе. День и ночь объѣзжалъ онъ деревни и всякими мѣрами—насиліемъ и уговорами, плетью и лестью—старался внушить народу задерживать „вольно-шатающихся бездѣльниковъ“, какъ называлъ онъ агитаторовъ, и представлять ихъ начальству; „только тогда настанетъ между нами миръ и согласіе, когда среди васъ не останется ни одного такого бунтовщика“. Но народъ хорошо понималъ о чемъ идетъ рѣчь...

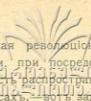
Приближалось время посѣвовъ и уѣздному начальнику слѣдовало проявить свою доблесть; нужно было не допустить бойкота помѣщиковъ. Съ этой цѣлью онъ вызывалъ крестьянъ по одному и каждому приказывалъ не отказываться отъ работы на помѣщичьихъ земляхъ; въ случаѣ отказа онъ набрасывался и плетью угощалъ упряма. О томъ же толковалъ онъ и на сходахъ. Отъ бойкота пришлось, конечно, отказаться, но только лишь на короткое время, пока надъ крестьянской спиной висѣла нагайка.

Мѣстнымъ самодержцамъ казалось, что теперь можно быть спокойнымъ за будущее; вѣдь все, что только могъ придумать ихъ узкій полицейскій лобъ, они сдѣлали для

„успокоенія“ народа... Правда, крѣстьянство еще только что проснулось отъ своего вѣкового сна, оно только еще училось борьбѣ и потому можно было бороться и противъ звѣрскія репрессіи, эти экзекуціи, тюрьмы и разбѣютъ на нѣкоторое время его энергію и заставятъ опять приняться за старую лямку. Но дѣйствительность показала иное. Правда, что много активныхъ борцовъ было выхвачено изъ среды народа, многимъ пришлось самимъ бѣжать, но народъ уже зналъ теперь своего врага; ненависть къ самодержавной бюрократіи и мѣстнымъ феодаламъ слишкомъ глубоко засѣла въ его душу, чтобы потеря немногихъ руководителей могла отразиться на остановкѣ всего движенія.

Пропагандистская и агитаціонная работа, между тѣмъ, стала снова по-немногу налаживаться, но все это теперь сопряжено было съ страшными трудностями, благодаря усиленному надзору.

Весной 1903 года былъ учрежденъ социалдемократическій комитетъ для Гуріи, подъ названіемъ комитета сельскихъ рабочихъ Гуріи, съ перваго же дня обратившійся съ призывомъ къ народу въ особомъ листкѣ. До сихъ поръ прокламаціи и листки къ крѣстьянамъ издавались Батумскимъ Комитетомъ отъ своего имени. Къ этому же времени кавказскій союзный комитетъ выпустилъ первую обширную прокламацію, обращенную къ «гурийскому крѣстьянству», гдѣ вкратцѣ была намѣчена экономическая и политическая программа движенія сельскихъ рабочихъ. Но здѣсь комитетъ встрѣтилъ одно большое затрудненіе: связей со всѣми селами не имѣлось, хорошихъ агентовъ было также мало, многіе работники были разогнаны, поэтому-то листки часто не доходили до мѣста назначенія, а если доходили, то въ маломъ количествѣ. Все говорило о необходимости расширенія организаціонныхъ связей и непосредственнаго практическаго руководства движеніемъ, не говоря уже объ

агитаціи и пропагандѣ. Систематическая революціонная работа, мѣстные районныя организаци, при посредствѣ которыхъ комитетъ имѣлъ бы возможность распространять непрерывно революціонныя идеи въ массахъ, — вотъ задача стоявшая на первой очереди.

Чтобы придать работѣ среди крестьянъ болѣе плано-мѣрный характеръ, комитетъ созвалъ въ маѣ 1903 года специальный сѣздъ или конференцію представителей и вообще работниковъ всѣхъ мѣстностей Гуріи, на которомъ была выработана программа и система занятій съ крестьянами, а также и планъ организаци. Последняя была такого типа: въ каждомъ селѣ долженъ быть хотя одинъ сельскій кружокъ, если не больше, состоящій изъ 10 чело-вѣкъ; делегаты отъ сельскихъ кружковъ, по одному отъ cadaго, образуютъ кружокъ общественный, охватывающій цѣлое сельское общество; число членовъ такого кружка равнялось 4—5; весь уѣздъ былъ разбитъ на районы, по 5—6 обществъ въ каждомъ, и дѣлами района завѣдывалъ особый районный представитель и его помощникъ; послед-ней мѣстной инстанціей являлся комитетъ, который входилъ въ непосредственную связь съ районными представи-телями и черезъ всю организацию распространялъ свое вліяніе въ народѣ. Такая организаци прежде всего гаран-тировала отъ проваловъ мѣстныхъ работниковъ, столь частыхъ при прежней разбросанности и неконспиративномъ веденіи дѣла; тогда агитаторы были извѣстны всѣмъ и каждому, слѣдовательно и начальству.

На томъ же сѣздѣ была выработана тактическая программа.

Агитація въ массахъ, за исключеніемъ особо важныхъ случаевъ, была отвергнута, въ виду того, что бывшія мас-совыя собранія часто вели за собой проникновеніе прово-каторовъ въ мѣстныя организаци. Не нужно забывать, что движеніе носило съ самаго начала двойственный ха-

характеръ по составу элементовъ, входившихъ въ него: движеніе сельскихъ рабочихъ чисто пролетарскаго типа, среди которыхъ идеи социализма находили свободный доступъ и подготовленную почву и движеніе крестьянъ, имѣющихъ нѣкоторую связь съ землей и тяготящихся къ собственности. Эти оба русла сливались въ общемъ движеніи и потому идейная сторона его часто носила смѣшанный характеръ. Этимъ то и объясняется тотъ фактъ, что въ массахъ замѣчалась сильная склонность къ террору, вызваннаго правительственными репрессіями. Съ этимъ приходилось бороться. Съѣздъ призналъ его вреднымъ для развитія классоваго сознанія и массовой борьбы и потому постановилъ—воспретить всѣмъ товарищамъ, какъ членамъ партіи, прибѣгать къ террору. На разрѣшеніе этихъ принципиальныхъ вопросовъ съѣздъ употребилъ цѣлыхъ 4 дня. Большинство членовъ его состояло изъ крестьянъ, которые принимали въ обсужденіи вопросовъ самое дѣятельное участіе, въ особенности въ рѣшеніи вопросовъ практическаго характера.

Послѣ этого комитетъ приступилъ къ работѣ—устройству и объединенію сельскихъ кружковъ. Въ самое короткое время были всюду установлены связи; въ селахъ были назначены надежные агенты и народъ съ большимъ восторгомъ встрѣтилъ основаніе организаци и плодотворную дѣятельность комитета.—„Теперь правительству не такъ-то легко будетъ справляться съ нами, вылавливать нашихъ руководителей!“—нерѣдко можно было слышать въ селахъ. И дѣйствительно, со дня основанія организаци уменьшились аресты; конспирація оказалась возможной.

Начальство не замѣчало усиленной работы; отъ него все было скрыто густой завѣсой. Только случайно, изрѣдка попадалъ въ его руки кто либо изъ работниковъ организаци, но это не могло сильно тормозить общаго дѣла.

Въ этотъ самый моментъ, когда въ деревняхъ нача-

лись систематическія занятія и число кружковъ быстро увеличивалось, гурійскія села объѣзжалъ губернаторъ Смагинъ (въ августѣ 1903 г.); къ великому удивленію и къ „чести“ Джапаридзе онъ объявилъ „восстание въ корнѣ уничтожено“. Послѣ „административной экскурсіи“ событіе это было торжественно отпраздновано въ Чохатаури грандіозной попойкой. Свою великую миссію они считали исполненной...

Когда поднялась волна іюльскихъ забастовокъ въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ Кавказа и по Россіи, комитетъ получилъ рядъ предложеній мѣстныхъ организацій и кружковъ устроить мѣстныя демонстраціи въ селеніяхъ Гуріи. Комитетъ, однако, призналъ устройство демонстрацій несвоевременнымъ и отвергъ эти предложенія. Члены нѣкоторыхъ кружковъ были очень недовольны такимъ рѣшеніемъ вопроса, но сильная организаціонная дисциплина взяла верхъ: недовольные подчинились рѣшенію комитета. Послѣдній считалъ болѣе нужнымъ и полезнымъ для даннаго момента развитіе сѣти кружковъ и вообще упроченіе недавно созданной организаціи широкихъ слоевъ гурійскаго народа; поэтому то онъ до поры до времени рѣшилъ довольствоваться только обычной агитаціей и пропагандой. Въ пропагандистахъ былъ большой недостатокъ. Комитетъ не въ состояніи былъ удовлетворить всѣхъ запросовъ селеній. Прокламаціи большей частью были политическаго характера. Тѣ-же темы составляли содержаніе и устной агитаціи и пропаганды. Интересъ къ политическимъ вопросамъ и вопросамъ революціоннаго движенія русскаго пролетаріата былъ громаднй. Въ кружкахъ и на собраніяхъ постоянно слышались вопросы: „какъ дѣла въ Россіи? Какъ сильны рабочіе! Въ состояніи ли они сломить сопротивленіе правительства, и если въ состояніи, то какими средствами? Когда настанетъ свобода?“ и т. п. Эти вопросы стояли на первомъ планѣ и если кто либо

изъ руководителе і началъ говорить о духовенствѣ и помѣщикахъ, его останавливали: „мы уже знаемъ это, и сами можемъ указать, какъ справиться съ ними; вы научите насъ чему-либо другому“.

Съ наступленіемъ солдатскаго набора осенью 1903 года комитетъ рѣшилъ выйти изъ узкихъ рамокъ повседневной работы; еще до призыва началась сильная агитація среди призывной молодежи за устройство демонстраціи. И вотъ, 4 Ноября въ м. Чохатаури новобранцы показали Джапаридзе-Смагинымъ, что ихъ усмирительная энергія пропала даромъ, что они проглядѣли то, что въ дѣйствительности происходило въ глубинахъ жизни гурійскаго крестьянства. Этой демонстраціей отмѣченъ новый періодъ революціоннаго движенія въ Гуріи. Солдатъ—это единственная крѣпость самодержавной бюрократіи; онъ служилъ въ ея рукахъ превосходнымъ орудіемъ для подавленія освободительнаго движенія рабочей массы какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ; и вдругъ это орудіе стало ускользать теперь изъ рукъ правительства; вчерашній землепашецъ или рабочій на фабрикѣ, солдатъ долженъ, конечно, рано или поздно стать на сторону угнетеннаго народа и съ этого момента побѣда народа обезпечена; отсюда понятно, что первое выступленіе его подъ краснымъ знаменемъ, съ возгласомъ „долой самодержавіе!“ должно было вселить въ сердцахъ довѣрчиваго, экспансивнаго гурійскаго народа горячія надежды на близость окончательной побѣды. Подъ влияніемъ демонстраціи въ Чохатаури новобранцы выступили на улицу еще въ Батумѣ и Сигнахѣ. Правительственные лакеи астрепнулись; пошли аресты и обыски; многіе (изъ Ланчхути, Чохатаури и другихъ мѣстъ) попали въ Кутаисскую тюрьму еще до жеребьевки. Но мысль, получившую сильный толчекъ отъ этихъ демонстрацій, въ кутузку посадить нельзя...

Такимъ образомъ, движеніе въ деревнѣ нашло твердую

почву. На первых порахъ оно было безсознательнымъ и стихійнымъ, — теперь же для крестьянъ ~~дѣль была болѣе~~ или менѣе выяснена, настоящій путь ~~былъ открытъ~~

Когда мы употребляемъ слово „крестьянинъ“, мы имѣмъ въ виду, конечно, не все земледѣльческое населеніе деревни, какъ единое цѣлое. Сельская буржуазія, состоящая большей частью изъ тѣхъ же крестьянъ, но зажиточныхъ, съ самага же начала не принимала участія въ движеніи; она съ самага же начала относилась враждебно къ низамъ сельскаго населенія, бѣднотѣ и особенно къ рабочимъ, изгнаннымъ правительствомъ изъ городовъ, и открыто помогала помѣщикамъ и начальству. Такъ поступаетъ она и теперь, когда отношенія между народомъ и правительствомъ болѣе обострились; однако, въ Гуріи этотъ слой очень не великъ. На сторонѣ народа были перебѣжчики и изъ дворянской среды, но, конечно, только единицами, — изъ его бѣдныхъ слоевъ. Такимъ образомъ, движеніе постепенно теряетъ свой сословный характеръ и все болѣе и болѣе приобретаетъ фізіономію классовой борьбы. Сколько мукъ и страданій, сколько невзгодъ и несчастій ни перенесъ борющійся народъ, но все же помѣщики и правительство ничего не добились; охваченный идеей борьбы за свободу, идеей классовой борьбы съ эксплуататорами, народъ предпочиталъ голодать, чѣмъ работать на помѣщичьихъ земляхъ на прежнихъ условіяхъ. Не смотря на всѣ старанія властей, бойкотъ былъ все-таки проведенъ крестьянами. Почти не было примѣра частичной измѣны другъ другу въ этомъ общемъ рѣшеніи. И такая ихъ стойкость не прошла даромъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ помѣщики уступили. Въ сел. Нигонти, гдѣ прежде кн. Мачутатзевы даже угрожали крестьянамъ всякими земными и небесными карами, они теперь долго торговались съ крестьянами, предлагая имъ землю за $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{5}$ часть урожая и въ концѣ концовъ объявили: „идите къ своему коми-

тету и принесите его условія, мы будемъ согласны съ его постановленіемъ". Помѣщики района Супси также уговаривали крестьянъ согласиться на пониженную ими таксу, но получили все тотъ же отвѣтъ: "мы дадимъ только $\frac{1}{10}$ часть урожая,—уступите—хорошо, нѣтъ—такъ совсѣмъ не надо". И тутъ помѣщикамъ пришлось уступить. Начальство уже не вмѣшивалось больше въ распрю между крестьянами и помѣщиками; ему приходилось теперь опасаться, какъ-бы самому не оказаться излишнимъ въ Гуріи; если раньше пристава и уѣздные начальники гнали крестьянъ работать на помѣщичьихъ земляхъ, то теперь, когда движеніе приняло уже болѣе грозный характеръ—противъ всего политическаго строя,—они предоставили крестьянамъ самимъ вести переговоры и споры съ помѣщиками.

Крестьяне съ большимъ вниманіемъ слѣдили за движеніемъ въ городахъ и когда узнавали, что въ такомъ то мѣстѣ рабочіе выступили съ демонстраціей или еще какимъ либо способомъ протеста,—ихъ радости не было предѣла. Побѣду городского пролетаріата они считали своей побѣдой, а отвага и смѣлость его ободряли и ихъ. Каждый шагъ впередъ, сдѣланный россійской социальдемократіей ихъ радовалъ и воодушевлялъ къ дальнѣйшей борьбѣ.

Когда наиболѣе сознательные узнали о II партійномъ съѣздѣ и введеніи центральныхъ учрежденій, ихъ радость была велика. Въ этомъ фактѣ они справедливо видѣли залогъ дальнѣйшаго успѣха въ борьбѣ за лучшее будущее, во имя котораго и рука объ руку съ пролетаріатомъ выступили и они. Конечно, эта вѣра и эти ожиданія были часто весьма наивными и складывались въ головахъ широкихъ массъ въ очень своеобразныя формы, но большаго требовать едва ли и возможно отъ людей, только что освободившихся отъ вѣковыхъ предразсудковъ прочнаго деревенскаго уклада.

Въ началѣ 1904 года Гурійскій Комитетъ созвалъ вторую конференцію партійныхъ работниковъ, на которой были учтены результаты истекшаго года, организованной работы въ селеніяхъ Гуріи и выяснены недочеты организаціи. Конференція обсудила и приняла программу, выработанную на II съѣздѣ Р. С. Д. Р. П., а также тѣ тактическіе и организаціонные принципы, которые были предложены съѣздомъ. Слѣдовательно, съ этого момента Гурійскій Комитетъ и вся гурійская организація какъ крестьянская, такъ и рабочая—вошли въ составъ Р. С.-Д. Р. П. Центральнымъ пунктомъ II конференціи гурійскихъ работниковъ былъ вопросъ о бойкотѣ правительственныхъ учреждений и о дальнѣйшей борьбѣ съ помѣщиками и духовенствомъ. Здѣсь именно былъ намѣченъ тотъ путь, по которому пошло движеніе въ послѣдующую эпоху и который годомъ позднѣе привелъ почти къ полному устраненію правительственной власти на территоріи Гуріи и къ организаціи самоуправленія на основѣ полного демократизма. Ниже мы дадимъ краткій очеркъ этого самоуправления въ той сравнительно законченной формѣ, какую оно приняло къ веснѣ 1905 г.

Весь 1904 годъ прошелъ въ болѣе или менѣе мирной перестройкѣ стараго уклада. Соціалъдемократическая организація, вышедшая на работу еще болѣе окрѣпшей послѣ второй конференціи, развила въ высшей степени интенсивную работу, причемъ ей уже приходилось сплошь и рядомъ выходить изъ рамокъ строго партійной, принципиальной работы въ массахъ, но и войти въ самую глубь повседневной жизни народа.

Бойкотъ правительственныхъ учреждений—администраціи, суда и полиціи,—вызывалъ, конечно, страшное озлобленіе со стороны представителей власти и они пользовались каждымъ случаемъ для того, чтобы сорвать свою злобу на наиболѣе сознательной части гурійскаго крестьянства. Засады и убійства

безоружныхъ полицейскими и стражниками — нервное влечение въ жизни селеній за этотъ промежутокъ времени. Не имѣя силъ, достаточныхъ для того, чтобы открытымъ выступленіемъ подавить повсемѣстное революціонное движеніе въ Гуріи, полиція предательски подкарауливала отдельныхъ лицъ изъ наиболѣе видныхъ въ движеніи и звѣрски разстрѣливало ихъ. Одно изъ такихъ „славныхъ“ дѣяній особенно возмутило крестьянство, именно въ сел. Ланчхути: 20 апрѣля среди ночи, приставъ Квашали со стражниками напалъ на шедшую по дорогѣ кучку гурійцевъ и двое изъ нихъ — Коста Чачава и Іосифъ Эбраэлидзе — были убиты. Ихъ обоихъ хорошо знала вся революціонная Гурія и потому убійство ихъ дало поводъ къ рѣзкимъ выраженіямъ протеста. Миргіе, конечно, попали при этомъ въ тюрьмы. Этотъ же фактъ послужилъ отчасти толчкомъ къ тому, что въ предстоявшій праздникъ 1-го Мая было рѣшено устроить вооруженныя демонстраціи по всей Гуріи. Необходимо замѣтить, что Кавказскій Союзный Комитетъ рѣшилъ провести празднованіе 1-го Мая на Кавказѣ въ формѣ однодневной забастовки и устраивать митинги, чтобы открытымъ выступленіемъ не подать повода къ массовымъ избиеніямъ. Делегаты Гурійскаго Комитета, однако, настояли на томъ, чтобы было сдѣлано исключеніе для Гуріи, гдѣ населеніе надѣется дать надлежащій отпоръ вооруженной силѣ правительства; Союзный Комитетъ уступилъ и было рѣшено праздновать 1-е Мая въ Гуріи (и въ сосѣдней Имеретіи) въ формѣ вооруженныхъ демонстрацій. Ожиданія, однако, не совсѣмъ оправдались. Шедшіе другъ другу навстрѣчу, съ знаменами и пѣніемъ марсельезы, массы народа — изъ Суреби и изъ Хидистави — еще до своего соединенія были встрѣчены вооруженными стражниками и послѣ схватокъ — разогнаны. Жертвами оказались два видныхъ дѣятеля движенія — Поцхишвили и Есе Каландадзе. Поцхишвили былъ юноша 18 лѣтъ, вооду-

шевявшій многихъ своею отвагой, отъ котораго въ будущемъ можно было ожидать крупныхъ услугъ для общаго дѣла свободы. Есе былъ кузнецъ и его маленькая мастерская въ Хидистави въ теченіе цѣлаго десятилѣтія служила аудиторіей, гдѣ слышалась его умная, свободная рѣчь. Съ самаго начала гурійскаго движенія онъ находился въ переднихъ рядахъ его.

Причиной неудачи майскихъ демонстрацій является, несомнѣнно, недостатокъ вооруженія народа. Въ немъ было много энергіи, много рѣшимости и самоотверженія, но для борьбы съ вооруженной силой этого мало. Оружіе, съ которымъ шли крестьяне въ демонстраціяхъ 1-го мая, было крайне несовершеннымъ; вооружались, такъ сказать, домашними средствами,—кто чѣмъ могъ. Урокъ майской неудачи показаль руководителямъ на необходимость обратить серьезное вниманіе на этотъ вопросъ и на ближайшей III конференціи Кавказскаго Союза были приняты соответствующія постановленія.

За майскія демонстраціи 1904 года гурійское населеніе расплатилось не только тѣми жертвами, которыя пали непосредственно при самыхъ столкновеніяхъ съ вооруженными стражниками и полиціей; для „усмиренія“ бунтующихъ и въ наказаніе имъ правительствомъ были посланы и размѣщены по селеніямъ Гуріи солдаты и казаки; вся эта орда повисла тяжелымъ камнемъ на шеѣ и безъ того разореннаго въ конецъ крестьянства. Безчинствамъ казаковъ не было конца. Солдаты же не позволяли себѣ особенныхъ звѣрствъ. На содержаніе войскъ, рассказываль позднѣе депутатъ Ланчхути Крымъ-Гирею, съ насъ взяли 5 тысячъ рублей. Кромѣ того, мы обязаны были доставлять войскамъ квартиры, дрова, керосинъ и пр., должны были перевозить даромъ ихъ имущество и аммуницію. Откуда намъ было достать столько денегъ и силъ? Пудъ кукурузы стоилъ полтора рубля, да намъ и нечего было про-

давать—въ амбарахъ было пусто. Военные отряды ходили по домамъ съ арбами и забирали всю домашнюю обстановку: столы, стулья, кровати, цапки, допаты, котлы и пр. Но кто-же купить эти вещи? Онѣ и до сихъ поръ лежатъ въ канцеляріи. Ко всѣмъ бѣдамъ въ то время распространилась еще чума и мы боялись выпускать своихъ быковъ. *Тогда въ арбы запрягали людей и на нихъ перевозили солдатскія вещи...* Вотъ одна изъ безчисленныхъ картинъ, показывающихъ всю глубину бѣдствій народа и всю гнусность „внутренней политики“ правительства. Солдаты, однако, не долго оставались въ селеніяхъ Гуріи. Извѣстно, что если солдатъ хоть не на долгое время останется въ тѣсномъ общеніи съ народомъ, онъ начинаетъ понимать, какую позорную роль играетъ онъ въ рукахъ правительства, ему понятно становится, что это за „внутренніе враги“, противъ которыхъ начальство старается направить его вооруженную руку. Только стѣны казармы, этой солдатской тюрьмы, отгораживаютъ солдата отъ народа и не даютъ ему очистить голову отъ той лжи и клеветы, которой слуги правительства стараются превратить его въ свое послушное орудіе.

Солдаты, размѣщенные по домамъ крестьянъ, вскорѣ стали отказываться отъ какихъ-бы то ни было насильственныхъ дѣйствій надъ ними и начальство поняло опасность: войска были уведены изъ селеній Гуріи.

V. Требования гурійскаго крестьянства.

Къ началу 1905 г. населеніе Гуріи осуществило уже до нѣкоторой степени ту программу бойкота правительственныхъ учреждений, которая была намѣчена на конференціи гурійскихъ работниковъ—соціалъдемократовъ. Создались уже и нѣкоторыя формы самоуправленія, подъ непосредственнымъ руководствомъ мѣстныхъ соціалъдемократическихъ организаций.

Но надъ Гуріей готова была разразиться новая гроза. Правительство рѣшило расправиться съ ней крутыми мѣрами. Туда были двинуты крупныя военныя силы подъ начальствомъ Алиханова-Аварскаго: нѣсколько тысячъ солдатъ, артиллерія и передвижной военный лазаретъ. На станцію прибыла уже часть артиллеріи, отрядъ гренадеровъ, нѣсколько сотенъ казаковъ и нѣсколько пушекъ; затѣмъ, еще—шесть ротъ Елисаветпольскаго полка и полкъ пластуновъ. Алиханову были даны неограниченныя полномочія: Гурія отдана полностью въ его руки. Угрожающая опасность подняла на ноги всѣ слои населенія. Большинство помѣщиковъ и духовенства понимало уже теперь, что никакимъ насиліемъ нельзя заставить населеніе снова впрячься въ старое ярмо, что старыя формы эксплуатаціи держались лишь до тѣхъ поръ, пока массы крестьянства спали глубокимъ сномъ, отъ котораго пробудили ихъ изгнанные изъ городовъ промышленные рабочіе. Дальнѣйшія репрессіи и окончательное разореніе гурійскаго крестьянства могло развѣ только на время принудить его отказаться отъ своихъ требованій; нельзя же было все время стоять съ нагайкой надъ спиною крестьянина! И вотъ, нѣсколько предводителей дворянства, батумскій и кутаискій городскіе головы и два редактора газетъ—„Мокзаури“ и „Цнобись-Пурцели“ отправились къ генералу Маламѣ, главноначальствующему на Кавказѣ, просить объ отозваніи войска, посланнаго въ Гурію; вмѣсто военной экспедиціи, въ Гурію необходимо послать, по мнѣнію депутаціи, особаго представителя правительства, который выяснилъ бы желанія гурійцевъ; послѣднимъ необходимо дать возможность совмѣстно обсудить свои нужды, формулировать свои требованія, для чего необходимо разрѣшить имъ собранія; кромѣ того, прессѣ нужно дать возможность свободно обсуждать создавшееся положеніе въ Гуріи. Лицомъ, наиболѣе подходящимъ, по мнѣнію депутаціи, для выясне-

нія нуждъ населенія, является членъ совѣта главноначальствующаго Султанъ Крымъ-Гирей. 16 февраля 1905 года депутація явилась къ ген. Маламъ, но послѣдній принялъ только трехъ лицъ изъ ея состава; остальнымъ же представлено было переговорить съ директоромъ канцеляріи. Отвѣтъ на просьбу депутаціи былъ данъ на второй день: войска должны остаться на ст. Нотанеби, въ Гурію-же посылается Крымъ-Гирей; населенію разрѣшено свободно собираться для выясненія своихъ нуждъ, а для переговоровъ съ Крымъ-Гиреемъ—выбирать изъ своей среды депутатовъ, неприкосновенность которыхъ гарантируется... на словахъ, конечно *). Печати также было разрѣшено „свободно“ обсуждать нужды гурійцевъ. Таковы благіе порывы бюрократіи...

Крымъ-Гирей въ тотъ же день выѣхалъ въ Озургетскій уѣздъ. Онъ взялъ съ собой лишь переводчика и секретаря; кромѣ того, какъ „просвѣщенный“ администраторъ, онъ разрѣшилъ сопровождать себя всюду корреспондентамъ газетъ. Вотъ это послѣднее обстоятельство и дало возможность записать полностью все, что нашло нужнымъ заявить правительственному чиновнику гурійское населеніе.

Какъ только дошла вѣсть о томъ, что въ Гурію посланъ важный правительственный чиновникъ для выясненія нуждъ населенія, по всей странѣ немедленно же были организованы многочисленные сходы, или лучше, митинги—для формулировки требованій. Изъ этого факта нельзя, однако, сдѣлать того вывода, что гурійцы, или по крайней

*) Одновременно съ этимъ, 18 февраля, Озургетскій уѣздъ былъ объявленъ на военномъ положеніи. Этотъ фактъ обнаруживаетъ, какими мѣрами бюрократія намѣревалась «успокоить» Гурію. Можно думать, что вся эта затѣя бюрократіи, эта „свобода собраній“ и словесная гарантія неприкосновенности депутатовъ народа и пр.—было ничѣмъ инымъ, какъ провскаторскимъ приемомъ для выясненія агитаторовъ и „подстрекателей“ среди гурійскаго населенія.

Въ Горійскій уѣздъ съ той же миссіей былъ посланъ Вейденбаумъ.

мѣрѣ ихъ передовая, сознательная часть, надѣялись получить что либо отъ самодержавнаго правительства или отъ мѣстныхъ его представителей. Нѣтъ! Проти всюду, гдѣ пришлось Крымъ-Гирею бесѣдовать съ крестьянами, онъ слышалъ отъ нихъ неприятное для его уха заявленіе, что они не ждутъ ничего отъ этого правительства и рѣшили высказать свои требованія только для того, чтобы черезъ печать повѣдать ихъ всей Россіи.

— Что они могутъ сдѣлать для насъ? Они по тысячѣ рублей въ мѣсяць получаютъ,—гдѣ же имъ понять наши нужды!

— У нихъ у каждаго понѣсколькото тысячѣ десятинъ земли, а когда я ложусь спать, то ноги и голову приходится класть на чужія имѣнія... Такъ формулировали гурійцы свое недовѣрія къ чиновнымъ посланцамъ правительства. И они были правы вдвойнѣ, потому что въ прошломъ не было еще случая, чтобы правительственный чиновникъ приходилъ къ нимъ безъ нагайки или оружія, какъ заявилъ Крымъ-Гирею одинъ изъ депутатовъ Ланчхути, а будущее... оно убило и ту надежду, которую питали еще нѣкоторые, наиболѣе отсталые слои гурійскаго крестьянства.

Обстановка бесѣдъ съ Крымъ-Гиреемъ всюду была почти одна и та-же. Еще до его появленія народъ собирался громадно массою (сходились не только жители даннаго селенія, но и всего сельскаго общества) на площади, преимущественно — передъ школой, выбиралъ десятокъ - другой депутатовъ, въ томъ числѣ и женщинъ, и слушалъ ихъ бесѣду съ Гиреемъ *).

*) Изъ десяти селеній, въ которыхъ побывалъ Крымъ-Гирей, мы приведемъ здѣсь въ цѣломъ видѣ лишь рѣчь депутатовъ Хидистави; изъ рѣчей же депутатовъ другихъ селеній возьмемъ лишь наиболѣе характерныя мѣста, дающія понятія о настроеніи гурійскаго крестьянства и о томъ ясномъ пониманіи дѣйствительности, какое обнаружили они при этомъ. Сущность требованій почти во всѣхъ селеніяхъ и обществахъ

Крымъ-Гирей. Помните, что я пришелъ сюда не за своимъ дѣломъ, а для выясненія вашихъ нуждъ, и не смотря на то, что правда, вами высказанная, для меня будетъ горька, я все же прошу васъ сказать прямо и искренно обо всемъ, касающемся вашей жизни, о всѣхъ вашихъ нуждахъ.

Депутатъ. Хорошо. Мы скажемъ открыто и искренно о томъ, что насъ мучаетъ, и чего мы справедливо требуемъ, но кто поручится за то, что за свободную рѣчь намъ не будетъ угрожать опасность отъ произвола полиціи? Это мы испытали не разъ!

Крымъ-Гирей. Я не могу гарантировать вашу личность тогда, когда меня здѣсь не будетъ. Возможно, что съ кѣмъ-нибудь и случатся непріятности и въ такомъ случаѣ прошу немедленно сообщить мнѣ,—я буду ходатайствовать; здѣсь же, въ видахъ огражденія вашей личности, я не спрашиваю именъ и фамилій говорящихъ со мной.

Депутатъ. Хорошо; кто поручится за то, что все, сказанное нами, безъ извращенія войдетъ въ протоколъ? Мы не имѣемъ возможности провѣрить ихъ.

Крымъ-Гирей. У меня такой переводчикъ, которому я довѣряю. А если онъ ошибется въ чемъ либо, тогда они могутъ оказать помощь (указываетъ на корреспондентовъ).

Депутатъ. Вы пріѣхали сюда, въ Гурію потому, что будто-бы здѣсь творится что-то необыкновенное, нѣчто такое, о чемъ нигдѣ въ Россіи ничего не слышано. Вы въ этомъ ошибаетесь.

Крымъ-Гирей. Я прибылъ сюда для выясненія причинъ, вызвавшихъ столкновение между правительствомъ и народомъ, а не за тѣмъ, чтобы разыскивать виновниковъ среди васъ.

одинакова. Слѣдуетъ еще замѣтить, что рѣчи депутатовъ переведены нами изъ грузинскихъ газетъ (главнымъ образомъ «Мокзаури») и потому въ переводѣ не могъ быть сохраненъ тотъ своеобразный колоритъ, какой онъ носятъ въ дѣйствительности.

Депутатъ. Тогда слушайте, что мы скажемъ. Наши требованія выражаются въ трехъ словахъ: мы хотимъ хлѣба, правосудія и свободы; у насъ нѣтъ ни перваго, ни втораго, ни третьяго. Сперва скажемъ о хлѣбѣ. Мы не требуемъ, конечно, чтобы намъ давали готовый, испеченный хлѣбъ. Совсѣмъ нѣтъ! Мы требуемъ, чтобы плодами своего труда пользовались мы сами и никто ихъ у насъ не отнималъ. Посмотрите на этотъ народъ: здѣсь передъ вами стоятъ люди трудовые, рабочіе, и это совсѣмъ не трудно узнать съ одного лишь взгляда,—они сухи, какъ скелеты и желты отъ солнца. Неужели же они не имѣютъ права требовать, чтобы плоды своего труда, кусокъ хлѣба, добытый собственнымъ потомъ и кровью, употреблять для себя же, а не отдавать его какимъ-то дармоѣдамъ? Да, мы не имѣемъ этого права — это мы знаемъ. Причина того, что плодами нашего труда жирѣютъ другіе, бездѣльники, состоитъ въ томъ, что рабочій народъ-земледѣлецъ — лишень земли. Земля, обрабатываемая имъ и орошаемая его потомъ, составляетъ чужую собственность. Земледѣлецъ вынужденъ согласиться на тѣ условія, которыя предлагаетъ ему помѣщикъ и это ввергло крестьянина въ то безвыходное положеніе, изъ котораго стремится онъ теперь освободиться своими собственными силами. И что же осталось дѣлать несчастному земледѣльцу? У него нѣтъ ни собственной земли, ни суда, который оградилъ бы его отъ произвола помѣщиковъ. Кругомъ мы видимъ одну только несправедливость. Судъ и полиція — орудія въ рукахъ помѣщиковъ, которымъ они давно уже пользуются для нашего притѣсненія. Да, полиція и помѣщики рука объ руку ведутъ борьбу, съ нами — земледѣльцами.

Крымъ-Гирей. Я хотѣлъ бы знать, самовольно вмѣшивается полиція въ ваши дѣла съ помѣщиками или къ ней обращаются сами помѣщики?

Депутатъ. Часто вмѣшивалась самовольно, но въ боль-

шинствѣ случаевъ стражники присылались по просьбѣ помѣщиковъ, чтобы насильно отнять у насъ часть урожая. Если кто осмѣливался сопротивляться, для тѣхъ готовы были плети, тюрьмы, часто и ссылка въ Сибирь. Да неужели нужно еще доказывать, что полиція принадлежитъ помѣщикамъ!

Крымъ-Гирей. Развѣ старшина, выбранный сельчанами, не защищаетъ интересовъ крестьянъ?

Депутатъ. Я самъ былъ старшиной нѣсколько лѣтъ и знаю, какъ командуетъ старшиной начальство. Да развѣ старшина можетъ послушаться приказанія приставовъ и уѣздныхъ начальниковъ? Онъ во всемъ послушный рабъ этихъ повелителей, послѣдніе-же враги народа. За послушаніе, за защиту интересовъ крестьянъ старшину ожидаетъ строгое наказаніе.

Крымъ-Гирей. Были ли случаи, когда бы старшина пострадалъ за интересы народа?

Депутатъ. Случалось и очень часто. Напримѣръ, можно указать на Харишвили, Хомирики, Болквадзе и другихъ, но это все извѣстно и потому мы обратимся къ своему вопросу. Мы повторяемъ, что земля должна принадлежать крестьянамъ-земледѣльцамъ, а не дармоѣдамъ. Плоды нашихъ трудовъ должны быть собраны въ наши же сараи. Кромѣ клочковъ пахатной земли, у насъ нѣтъ ни лѣса, ни пастбищныхъ мѣстъ. Лѣтнія пастбища принадлежатъ казнѣ, а зимнія — частнымъ лицамъ; и тѣ, и другіе въ свое время дерутъ съ насъ кожу. Лѣтними пастбищами мы только пользуемся полтора мѣсяца въ году и за это короткое время казна беретъ съ насъ оброка (гала) 500 р. То-же самое и съ лѣсомъ. Тамъ деревья гниютъ, а мы дрова покупаемъ; за одну маленькую хворостинку насъ штрафуютъ. Но развѣ лѣсъ—результатъ чьихъ либо трудовъ? Развѣ пастбища кѣмъ либо сѣялись и потомъ поливались? И вотъ, совершенно безъ труда ими пользуется

казна и помѣщики, а намъ, трудящимся, приходится еще отдавать имъ изъ нашихъ же трудовъ. Мы требуемъ уничтоженія такого порядка. Достаточно и ~~тѣмъ~~ ~~до~~ ~~сихъ~~ ~~поръ~~ терпѣли!

Когда мы просили хлѣба, намъ давали камень; вмѣсто помощи, насъ угощала полиція плетью. За послѣднее время мы потеряли всякое довѣріе къ правительству. Мы убѣждены, что рабочій народъ ничего добраго отъ него не можетъ ожидать, поэтому мы считаемъ необходимымъ составленіе крестьянскихъ комитетовъ, выбранныхъ обществомъ, для переговоровъ съ помѣщиками и казною. Комитеты эти должны упорядочить земельныя дѣла. Требуемъ этого не мы одни, базилетскіе крестьяне,—этого требуютъ крестьянство и рабочіе всей Россіи. Возьмите теперь казенныя земли. Казна владѣетъ не однимъ лѣсомъ, въ ея рукахъ находится также много и пахатной земли; за эту землю взыскиваютъ также большіе оброки. Многіе крестьяне живутъ на казенныхъ земляхъ и называются поэтому казенными крестьянами. Они работаютъ на этой землѣ, платятъ разнообразныя налоги въ пользу казны и если имъ понадобится заложить или продать ее—не имѣютъ на это право. Поэтому мы, жители базилетскаго общества, вмѣстѣ съ другими, требуемъ, чтобы отрѣзки казенныхъ земель, которыми пользовались казенные крестьяне, признать собственностью ихъ. Кромѣ того, нѣсколькими крестьянами уже нѣсколько разъ куплены одни и тѣ-же участки земли, а при межеваніи приходитъ какой либо дворянинъ и оспариваетъ: это, говоритъ мое. Все это и многое другое дѣлаетъ жизнь крестьянина невыносимой. Къ этому добавьте еще тысячу видовъ различныхъ платежей — земельныхъ и сельскихъ. Да развѣ въ состояніи крестьянинъ, лишенный всего, нести постоянно тѣ безмѣрные налоги, отъ которыхъ жирѣютъ наши ненасытныя правители? Нѣтъ, господинъ, онъ не могъ перенести всего того. Скажите,

какой доходъ можетъ удовлетворить, по вашему, семью изъ семи душъ?

Крымъ-Гирей. Это, конечно, зависитъ отъ жизни.

Депутатъ. Мы не говоримъ о хорошей, или сытой жизни, а такъ—хоть бы впроголодь.

Крымъ-Гирей. Такъ, рублей 500, я думаю достаточно будетъ.

Депутатъ. Вотъ мы и требуемъ: если 500 рублей достаточно, такъ или иначе, на содержаніе семьи, то тѣ, которые имѣютъ ежегоднаго дохода менѣе 500 рублей, должны быть освобождены отъ всякихъ налоговъ и повинностей. Имѣющіе же дохода свыше 500 рублей должны платить налогъ подоходно, т. е. кто получаетъ больше дохода, тотъ больше и платитъ. Это болѣе справедливо. Въ настоящее же время повинности несутъ только тѣ, кто имѣетъ мало дохода и кто постоянно трудится; тѣ-же, у кого карманы туго набиты, чьи руки не знаютъ, что такое трудъ,—они почти ничего не платятъ.

Между нами есть много, такъ называемыхъ, временно-обязанныхъ крестьянъ; они—тѣ же крѣпостные. Отъ кого и почему они должны выкупаться? Почему они должны выкупать ту пядь земли, которую они обрабатываютъ съ назапамятныхъ временъ? Это явная несправедливость и мы требуемъ, чтобы всѣ несвободные крестьяне были освобождены со своей землей безъ всякихъ платежей. Помимо этого, выкупная плата, такъ несправедливо отнятая у крестьянъ, должна быть возвращена имъ же. Почему бѣдный крестьянинъ долженъ былъ выкупать землю, составляющую его исконную собственность? Мы также требуемъ отдачи казенныхъ, церковныхъ, монастырскихъ и удѣльныхъ земель въ собственность крестьянамъ.

Крымъ-Гирей. Раздача казенныхъ земель въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Кавказа уже начата, требуется только ускорить это.

Депутатъ. Теперь скажемъ о налогахъ. На насъ лежать не только тѣ безмѣрные налоги, которые мы платимъ подъ именемъ прямыхъ налоговъ. Самые необходимые въ домашнемъ обиходѣ вещи обложены еще особыми. Возьмемъ хотя бы керосинъ, который для каждого семейства составляетъ предметъ первой необходимости. Керосинъ, добытый здѣсь, въ Баку, вывозится куда то далеко, въ Англiю, гдѣ онъ стоитъ гораздо дешевле, чѣмъ здѣсь, у себя, во дворѣ. И это потому, что онъ обложенъ непомерными налогами. Покупать керосинъ намъ необходимо, а стало быть приходится и этотъ налогъ платить. То же самое съ сахаромъ. Вывезенный отъ насъ за границу сахаръ продается тамъ дешевле, чѣмъ у насъ. Затѣмъ, возьмемъ акцизные сборы съ спиртныхъ напитковъ (водки). Нашъ виноградъ „одесса“ (сортъ) для вина не годится. И такъ какъ другiе сорта у насъ не рождаются, то мы вынуждены водку выкуривать изъ него. И здѣсь начальство поставило намъ сѣть: оно начало увеличивать акцизные налоги и довело до такихъ размѣровъ, что стало невозможно и даже убыточнымъ заниматься этимъ промысломъ. Неужели и это вы называете справедливымъ? Ужели мы не должны имѣть права пользоваться плодами той земли, за которую мы платили столько непомерныхъ налоговъ? Вѣдь это плодъ обработанной нами земли, плодъ нашего труда! Мы требуемъ уничтоженiя этихъ налоговъ, уничтоженiя всѣхъ тайныхъ, косвенныхъ налоговъ.

Крымъ-Гирей. Я считаю возможнымъ ходатайствовать о временномъ уничтоженiи акцизныхъ сборовъ (съ водки) и то только для Гурiи.

Депутатъ. Для однихъ себя мы ничего не требуемъ: подобно намъ, въ томъ же нуждается стоимиллионное населенiе Россiи. Кромѣ того, съ нашего общества берутъ ежегодно какiя-то „магазинные“ деньги по 200 рублей въ годъ. А на примѣръ, въ прошломъ году, когда пудъ куку-

рузы у насъ стоилъ полтора рубля, мы просили помощи, на насъ никто вниманія не обратилъ. Куда дѣваются эти деньги? По карманамъ начальства! Мы требуемъ уничтоженія этого сбора и возврата собранныхъ суммъ.

Перейдемъ теперь къ духовенству: монахамъ и священникамъ; они не менѣе угнетаютъ народъ. Ихъ ремесло—лицемѣріе, покорность и рабство; совѣтуютъ обращаться къ небу, а сами лѣзутъ въ нашъ карманъ! Они безъ вознагражденія не промолвятъ ни одного слова и ихъ постоянный припѣвъ: деньги, деньги и деньги. Мы отказываемся отъ всякихъ расходовъ на содержаніе духовенства и требуемъ отдѣленія церкви отъ государства, т. е. пусть священника содержитъ тотъ, кто нуждается въ его молитвахъ и благословеніи.

Мы требуемъ также, чтобы священники лишены были права открывать школы; въ воспитаніи дѣтей духовенство не должно принимать никакого участія, такъ какъ оно своими извращенными мыслями затемняетъ свѣтлый умъ дѣтей. Богу угодно, чтобы мы были чисты душой и тѣломъ; чистота нашей совѣсти—дѣло наше и поэтому совѣсть чловѣка должна быть свободна.

Намъ необходимо образованіе, необходимо читать книги, газеты,—это сознаютъ у насъ теперь всѣ. Необходимо оно настолько-же, насколько воздухъ, вода и хлѣбъ. Человѣкъ необразованный въ жизни непригоденъ. Для насъ же оно недостижимо, потому что существующее правительство изъ всѣхъ силъ старается, чтобы мы пребывали въ темнотѣ. Чѣмъ, если не подобнымъ соображеніемъ, руководствовало оно, когда отказало намъ въ просьбѣ объ открытіи здѣсь на свой счетъ городской школы? Мы требуемъ, чтобы у насъ дѣло обученія было поставлено на должную высоту, т. е. чтобы до 16-ти лѣтняго возраста, обученіе дѣтей было бесплатное и обязательное, всеобщее, безъ различія пола, сословія и національности. Кромѣ этого, чтобы полученіе

средняго и высшаго образованія было болѣе доступно всѣмъ.

Помимо всего этого, мы крестьяне и рабочіе не имѣемъ права собираться вмѣстѣ и обсуждать свои нужды. Подобныя собранія воспрещены. Почему же мы не должны имѣть права говорить о своихъ нуждахъ? Сегодняшній день — исключеніе, обычно же не даютъ и десяти изъ насъ собраться вмѣстѣ. Мы требуемъ свободы собраній. Если мы собираемся вмѣстѣ, на насъ нападаютъ стражники и казаки съ шашками и плетями. Насъ подвергаютъ позорному тѣлесному наказанію, разоряютъ наши жилища и дѣлаютъ все, что хотятъ. Мы требуемъ уничтоженія такого порядка, мы требуемъ, чтобы личность и жилища были неприкосновенны.

Не только говорить, но даже писать воспрещаютъ въ газетахъ о нашей жизни. Въ прессѣ и слова нѣтъ о насъ. Говорятъ, что она не имѣетъ права касаться этого предмета. Почему же въ книжкахъ не должны сообщаться вѣрныя свѣдѣнія? Мы требуемъ, чтобы печати предоставлена была свобода, чтобы она могла описывать нашу дѣйствительную жизнь.

Намъ воспрещены стачки. Мы сговорились между собой: „не работать на прежнихъ условіяхъ въ чужихъ имѣніяхъ“; но вмѣшалась полиція и прибѣгла къ насилію, чтобы противодѣйствовать нашему стремленію къ улучшенію своей жизни. Поэтому, мы требуемъ свободы стачекъ. Много крови нашихъ товарищей пролито здѣсь, въ этомъ обществѣ во имя интересовъ народа. Больше еще томятся въ тюрьмахъ, а другіе выселены. Подобное поведеніе полиціи вызываетъ съ нашей стороны полнѣйшее къ ней отвращеніе. Мы требуемъ, чтобы всѣ находящіеся въ заключеніи и ссылкѣ товарищи наши были немедленно освобождены.

На нашемъ народѣ тяжкимъ бременемъ лежитъ воин-

ская повинность. Семью лишаютъ молодыхъ, здоровыхъ юношей и заключаютъ въ казармы на 4 года; дома остаются только женщины, старики да дѣти; рабочія руки, такимъ образомъ, пропадаютъ для семьи и, сверхъ того, содержаніе солдата котораго держатъ въ казармѣ, голодомъ еще ложится излишнимъ бременемъ на ту же самую семью. Каждой семьѣ содержаніе солдата, пока онъ отбываетъ воинскую повинность, обходится въ годъ 60—120 рублей. Откуда же достать ихъ и безъ того обнищавшему народу? Семья занимаетъ деньги у ростовщиковъ и все болѣе и болѣе задалживается. Но это еще не самое главное. Мы полагали, что войско существуетъ для нашей охраны; думали, что наши дѣти, которыхъ мы содержимъ на свои средства, будутъ посылаться противъ враговъ, если-бы такіе оказались, но оказывается, что мы своихъ сыновей посылаемъ воевать съ нами же. Наши сыновья и братья должны проливать народную же кровь, какъ это было на улицахъ Петербурга и во многихъ другихъ мѣстахъ! Мы это считаемъ недопустимымъ и требуемъ уничтоженія постоянного войска, а если понадобится защищаться отъ враговъ, мы всѣ готовы бороться съ ними до послѣдней капли крови.

Мы требуемъ уничтоженія сословій и уравниенія передъ закономъ всѣхъ гражданъ. Должны быть только одни граждане, а не какія либо обособленныя сословія.

У насъ нѣтъ правосудія; объ этомъ мы говорили выше и опять возвращаемся къ тому же. Настоящій судъ зиждится на неправдѣ. Кто имѣетъ возможность подкупить судей, тотъ вездѣ выходитъ оправданнымъ. Мало того, что судъ основанъ на взяточничествѣ, отъ него нельзя дожидаться и конца дѣла! Совершенно простое дѣло затягивается на нѣсколько лѣтъ! Чиновники обвиняютъ бѣдныхъ, но взятки берутъ съ обѣихъ сторонъ. Въ виду этого мы требуемъ введенія суда присяжныхъ, которыхъ долженъ

выбирать народъ при всеобщей, равной, закрытой баллотировкѣ. Каждый судья и, вообще, всѣ другіе чиновники должны отдавать отчеты въ своихъ дѣйствіяхъ народу.

Спросимъ теперь, кто-же можетъ удовлетворить всѣ наши требованія? То ли начальство, которое всѣчески отъснять насъ и которое давно уже потеряло наше довѣріе? Конечно, нѣтъ! Оно неспособно руководить нами. Мы сами должны устроить свою жизнь. Поэтому мы требуемъ созыва Учредительнаго Собранія, состоящаго изъ депутатовъ, выбранныхъ народомъ. Каждому гражданину, безъ различія національности, религіи и пола, должно быть предоставлено право участвовать въ выборахъ представителей.

Выслушавъ рѣчь, Крымъ-Гирей поблагодарилъ депутатовъ за правдивое слово и уѣхалъ изъ Хидистави.

Такая-же, въ общемъ, программа была выставлена и въ прочихъ девяти обществахъ Гуріи, гдѣ успѣлъ побывать Крымъ-Гирей. Кореннымъ вопросомъ, который повсюду выдвигался на первый планъ, былъ, конечно, земельный вопросъ. Остальныя требованія всѣ чисто политическаго характера.

Въ селеніи *Данчхути* передъ Крымъ-Гиреемъ выступилъ съ рѣчью почтенный старикъ, въ рѣчи котораго вылилась вся та горечь, которую онъ, вмѣстѣ со своими соплеменниками, почерпнулъ въ теченіи своей долготѣной жизни.

— Мнѣ уже 67 лѣтъ, началъ онъ, и легко понять, сколько скорбей и мукъ я перенесъ въ этомъ мѣрѣ. Вся наша жизнь это — ничто иное, какъ страданіе. Но я о своихъ нуждахъ уже ничего не говорилъ. И кому мнѣ было говорить? Кругомъ видѣлъ или угнетателей, или подобно мнѣ нуждающихся. Сегодня же мнѣ не хочется сойти въ холодную могилу съ тоской и страданіемъ и я выскажу теперь все, что у меня на душѣ и что поручилъ мнѣ высказать стоящій здѣсь народъ. Казна полна золотомъ и серебромъ, добытыхъ потомъ не однихъ гурійцевъ или кавказцевъ, но трудящейся массы

всей Россіи. Не будетъ ли болѣе справедливымъ, чтобы и мы пользовались нашими кровными деньгами, обогащающими казну?

Намъ нужно обученіе, а на наши деньги воспитываются дѣти какихъ-то дармоѣдовъ-бездѣльниковъ. Правильно-ли это? Я 67 лѣтній старикъ, воспитывался въ адскомъ мракѣ и мои дѣти вынуждены оставаться въ томъ-же состояніи. Почему же мой сынъ не можетъ воспитываться на счетъ казны? Почему могутъ учиться только дѣти дворянъ и священниковъ на казенный счетъ, когда у нихъ и безъ того много? Быть можетъ наши дѣти оказались-бы болѣе способными и были-бы болѣе полезны для общества.

Духовенство, получающее жалованье изъ казны, не довольствуются этимъ и обираютъ еще и насъ... Будетъ имъ насъ мучить, достаточно, что до сихъ поръ угнетали! Пусть священниковъ содержать тѣ, кто нуждается въ ихъ духовномъ наставленіи. Я и подобные мнѣ старики полагали, что священники замѣняютъ намъ Христа, теперь же убѣдились, что они волки въ овечьей шкурѣ. Въ частной жизни они именемъ Христа внушали намъ покорность и рабство и мы были рабами; но не довольствуясь этимъ, они и въ школахъ внушаютъ нашимъ дѣтямъ съ самаго ранняго возраста тѣ же самыя мысли, затеиняя тѣмъ здоровое сознание дѣтей. Мы не можемъ этого дальше терпѣть и требуемъ лишить священниковъ права открывать школы и удалить ихъ изъ народныхъ школъ, какъ проповѣдниковъ рабства. У насъ есть сильное желаніе учиться: мы знаемъ что жизнь необразованнаго человѣка ничего не стоитъ, и потому мы требуемъ ввести всеобщее, бесплатное, обязательное обученіе дѣтей, безъ различія пола, до 16 лѣтняго возраста. Требуемъ, чтобы всѣ учебныя заведенія были близко къ намъ, чтобы не нужно было посылать дѣтей куда-то за тысячи верстъ. По нашему мнѣнію школа должна служить началамъ братства, единства, правды, истины,

а не быть, какъ теперь, орудіемъ умственного разложенія и калѣченія...

Въ послѣдней русско-турецкой войнѣ принималъ участіе и я. Кобулеты, Цихисъ-Дзири, Чакви, Ардаганъ и Карсъ взяты нашей кровью. Мы, народная милиція, боролись за то, чтобы защитить свое отечество и дѣйствительно защитили. Народъ болѣе самоотверженно можетъ защищать свою родину, чѣмъ постоянное войско—солдаты и казаки.

Изъ рѣчи депутатовъ с. *Чохатаури*:

Мы хотимъ и можемъ трудиться, но не имѣемъ земли для этого. Вотъ это то безземелье и заставило насъ работать въ чужихъ имѣніяхъ для того, чтобы доставить себѣ насущный хлѣбъ. Поэтому то мы и обращались къ помѣщику, тому помѣщику, который незаконно владѣетъ громадными имѣніями, и просили дать земли для посѣвовъ. Онъ зналъ о нашей крайней нуждѣ и ставилъ намъ тяжелыя условія, и намъ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ соглашаться на эти условія. Мы платили помѣщику половину урожая и кромѣ того еще по рублю на кцеву, да хорошей обѣдъ самому и его управляющему и пр. Примѣры долгихъ лѣтъ убѣдили насъ въ томъ, что при такихъ условіяхъ работать намъ было бесполезно. Мы поняли, что нашимъ тяжкимъ трудомъ пользовались какіе то дармоѣды, а мы съ голоду помирали. Мы знаемъ вѣдь, что земля создана не человѣкомъ, а природой, а если нѣкоторые такъ нажились, то только грабежомъ и насиліемъ. Для улучшенія нашей жизни мы прибѣгли къ такимъ средствамъ, которыя у насъ были подъ рукой. Переговорили между собой и рѣшили прекратить работу на помѣщичьихъ земляхъ. Такія дѣйствія, оказывается, носятъ названіе забастовки и выходитъ, что мы забастовали. Помѣщикамъ, привыкшимъ пользоваться чужимъ трудомъ, конечно, не по душѣ пришла наша забастовка, такъ какъ земля оставалась пустой, а уступать, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, они не желали.

Въ дѣло вмѣшалась полиція. Мы, невѣжды, думали, что полиція защититъ правую сторону, но жестоко обманулись въ нашихъ ожиданіяхъ. Приѣхалъ приставъ Кайташвили и взялъ съ насъ подписку, что мы будемъ работать на помѣщичьихъ земляхъ на прежнихъ условіяхъ, а кто не давалъ такой подписки, такъ тѣхъ бросали въ тюрьму. Чѣмъ больше насъ притѣсняли, тѣмъ тверже стояли мы на своемъ... Однажды приставъ заставилъ насъ стоять съ обнаженными головами на солнцѣ цѣлый день съ утра до вечера. Кругомъ обвелъ насъ стражниками. Эти ли мѣры могли помочь нашей нуждѣ? Но и этимъ не ограничились. Приѣхалъ Джапаридзе и задержалъ насъ, предупредивъ, что онъ не пуститъ домой, пока не согласимся работать на прежнихъ условіяхъ. Первый разъ онъ поступилъ такъ въ апрѣлѣ и повторилъ то-же самое въ маѣ. Тогда же вывелъ изъ сходки нѣсколько человѣкъ и передалъ стражникамъ на расправу...

Такова полиція и помѣщики, а теперь спросите-ка относительно духовенства! И попы на насъ обрушились и ничего не щадятъ, чтобы только удовлетворить свой жадный желудокъ и наполнить свои бездонные карманы. Помимо налоговъ разныхъ видовъ, насъ обложили еще драмовыми, съ cadaго дома по 2 рубля. Эти драмовыя взыскиваются полиціей и, за неимѣніемъ денегъ, забираютъ орудія производства и вещи, нужныя въ хозяйствѣ.

Помимо того, нужно платить и за похороны, и за упокойную обѣдню, и за крестины и т. д., а если нечѣмъ было платить, такъ попъ не хоронилъ покойника. Возьмешь въ долгъ, отдашь — онъ обласкаетъ: „вотъ такъ и надо было; безъ денегъ и молитва покойника спасти не можетъ“. Съ cadaго покойника сверхъ всего брали по рублю, какъ будто въ пользу церкви, но сами же тратили. Требуютъ также денегъ, когда мы причащаемся,—говоря при этомъ: „если денегъ не ладите, причастіе произведетъ въ вашемъ

желудкѣ огонь". При вѣнчаніи же устраивается настоящая торговля... Такъ, мы давно уже поняли, что духовенство, какъ и полиція, нашъ врагъ...

Однимъ изъ самыхъ крупныхъ золъ мы признаемъ воинскую повинность. Забрали нашихъ молодцовъ куда то въ Японію, за море и тамъ заставляють избивать такихъ-же, какъ и они сами. Почему тамъ должны быть убиты наши братья? Здѣсь земли много, но эта земля сосредоточена въ рукахъ немногихъ. Подѣлите эту землю и хватить всѣмъ. Выбирають самыхъ лучшихъ и трудоспособныхъ юношей, уводятъ куда то на 4 года и мало того, что семью лишаютъ рабочихъ рукъ,—мы должны еще отсюда посылать имъ туда въ казарму свои послѣдніе гроши...

Тамъ на войнѣ ежедневно тратится 2 милліона рублей. Что мѣшаетъ устраивать на эти деньги школы и этимъ чѣмъ нибудь помочь нашему горю? Если нужна будетъ война, неужели мы сами не можемъ защищать нашу родину? Мы требуемъ уничтоженія войска вообще и прекращенія этой безсмысленной войны...

Въ заключеніе должны сказать, что удовлетворить наши просьбы не можетъ существующее правительство, которому мы не довѣряемъ. Народъ самъ долженъ участвовать въ своихъ дѣлахъ и руководить ими. Народъ долженъ самъ выбирать своихъ представителей посредствомъ всеобщей, прямой, равной и закрытой баллотировки. Этимъ уполномоченнымъ лицамъ и довѣритъ народъ свои дѣла.

Изъ рѣчи депутатовъ с. *Сурби*:

Война противна религіи и совѣсти; война—позоръ челоуѣчества, такъ пусть уничтожится война—это позорное избіеніе. Наше повадливое правительство заранѣе знаетъ, что его сознательный подданный—это его врагъ,—но врагъ внутренній. И вотъ противъ такого-то врага оно готовитъ и обучаетъ нашихъ-же братьевъ и сыновей. Когда трудящійся народъ хочетъ обсудить свое положеніе—

онъ внутренней врагъ; оружіе нашихъ же сыновей направляется противъ насъ. Мы требуемъ улучшения нашей жизни, мы возвысили голосъ о своей нуждѣ и вотъ, насъ объявили внутренними врагами и вместо улучшения жизни, выслали намъ 600 казаковъ. Вотъ чѣмъ удовлетворили наши справедливыя и законныя требованія! Съ насъ берутъ налоги и тратятъ, а гдѣ и какъ тратятъ, объ этомъ никто насъ не спрашиваетъ. Возьмемъ напри- мѣръ настоящую войну (съ Японіей) и послѣдствія ея: сколько богатства, сколько жертвъ она потребовала съ насъ и—что-же? Развѣ какими либо новыми потребностями жизни была она вызвана? Имѣли ли мы что либо спрое сь японцами? Знаютъ ли наши братья, для чего они порливали кровь? Нѣтъ, не знаютъ, потому что на чальство въ теченіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ затемняло ихъ умы и вырабатывало изъ нихъ рабскія машины. Сколько жизней загублено! Сколько богатства потоплено было въ морѣ въ видѣ громаднаго флота, сколько милліоновъ рублей пропало! А чѣмъ потомъ было собрано это богатство? Конечно нашимъ! Руками трудового народа!

Изъ рѣчи депутатовъ с. *Нюити*:

Мы были освобождены изъ того рабскаго положенія, которое называлось крѣпостной зависимостью; она, по закону, отмѣнена. Но уничтожилась ли она на самомъ дѣлѣ? Помѣщики составили „уставныя грамоты“ и лучшія земли оставили за собой, а негодныя и неплодородныя дали намъ съ тѣмъ, чтобъ мы выкупали ихъ потомъ въ теченіи десятковъ лѣтъ. Народъ тогда же понялъ эту махинацію, рѣшилъ возвратить утерянныя имущества и присягнулъ другъ другу для совмѣстной борьбы. Помѣщики немедля прибѣгли къ полицейской помощи и тогда, какъ теперь, также многіе пострадали. Отца моего арестовали и куда то сослали. Съ тѣхъ поръ онъ безслѣдно пропалъ и мы до сихъ поръ не знаемъ, гдѣ кончилъ онъ свою много-

страдальную жизнь. Какъ бы то ни было, но мы остались цѣлы, земля же осталась въ рукахъ помѣщиковъ и мы были вынуждены работать на помѣщичьей землѣ свободные на словѣ,—на дѣлѣ мы опять остались въ рукахъ помѣщиковъ. Работали мы за третью часть урожая, но что можно было сдѣлать съ этой третью?.. Помѣщики видѣли что не брать у нихъ земли мы не могли, иного выхода у насъ не было. Въ 1901 г. они на собраніи рѣшили повысить плату а взятую у нихъ землю: съ хорошей земли брать половину сбора, а съ плохой—третью часть. Помимо этого прямого платежа, мы платили еще отъ 50 к. до 1 р. съ кцеры особаго налога, проводили канавы съ цѣлью осушенія почвы, строили заборы и кукурузники и часто еще ихъ же угощали. Долю помѣщика мы должны были прежде всего доставить ему на домъ, а свою приходилось бросать на произволь судьбы. Часто бывали случаи, что наша доля урожая уносилась водой или же уничтожалась скотомъ. Словомъ, намъ не перечесть, сколько обязанностей приходилось нести по отношенію къ помѣщикамъ и только голодъ и страданія нашихъ женъ и дѣтей вынуждали насъ при такихъ условіяхъ работать на помѣщичьей землѣ. Въ первый годъ мы согласились съ постановленіемъ помѣщиковъ и обрабатывали ихъ поля, но жизнь показала, что на такихъ условіяхъ нельзя продолжать работу; мы постановили не работать, если помѣщики не облегчатъ намъ условія. Такъ возникла настоящая борьба...

Когда въ 1901 году помѣщики устроили стачку для повышенія цѣнъ, они встрѣтили одобреніе и поддержку со стороны администраціи и полиціи, когда-же выступили мы, также со стачкой, для защиты своихъ правъ, наша стачка оказалась преступленіемъ...

Изъ рѣчи депутатовъ с. Аскана:

Насъ, крестьянъ, кормильцевъ міра, поставили на зад-

ній планъ. Первыя и высшія мѣста заняли дворяне, князья и др. Почему это такъ? Почему крестьяне должны кормить этихъ дармоѣдовъ? На долю крестьянъ — трудъ и страданія, а имъ — господство?! Мы требуемъ, чтобы были упразднены сословныя привилегіи, чтобы не было ни князя, ни дворянина и крестьянина. Всѣ люди одинаковы и въ одинаковой жизни нуждаются. Сословія должны быть уничтожены и всѣ передъ закономъ должны быть уравнены.

Кромѣ простого изложенія требованій крестьянства и всесторонней, яркой обрисовки его положенія, въ рѣчахъ депутатовъ нѣкоторыхъ селеній давалась и общая характеристика движенія. Такъ, на примѣръ, въ упомянутомъ уже нами селеніи *Суроби* между депутатами и Гиреемъ имѣлъ мѣсто такой діалогъ:

Депутатъ. Сообщите намъ, пожалуйста, какъ понимаетъ начальство наше движеніе?

Кр.-Гирей. Не знаю, какъ въ Петербургѣ, а главноначальствующій думаетъ, что ваше движеніе вызвано матеріальной нуждой.

Депут. Я знаю, что правительственные чиновники распространяютъ среди солдатъ и въ народѣ нелѣпые слухи, будто мы хотимъ своего царя, особаго государства. Это неправда, это возмутительная клевета! Движеніе наше нераздѣльно связано съ рабочимъ движеніемъ. Кто бы онъ ни былъ и къ какой бы національности ни принадлежалъ трудящійся человѣкъ, — для насъ все равно; мы, какъ и всѣ русскіе рабочіе, боремся съ существующимъ строемъ; мы должны разрушить его, и на развалинахъ его создать строй новый, справедливый. Намъ всѣ рабочіе, безъ различія національности, братья. Интересы наши одинаковы.

Въ сильныхъ и рѣзкихъ словахъ выразилъ взглядъ пе-

редового крестьянства на современные политическіе порядки делегатъ *с. Нанейшвиллисоули*:

Вы сказали намъ, что-бы мы, „потерпѣвши столько бѣдъ и мученій, еще немножко потерпѣли“ *Гертцъ* дѣло хорошее, но мы его уже потеряли! Мы отъ правительства ничего добраго не ждемъ. Неужели вамъ неизвѣстно, что то одно высокое лицо, которое по своему произволу править государствомъ, никогда и не думаетъ о насъ? Оно рука объ руку идетъ съ нашими врагами. Оно издаетъ законы, совершенно не справляясь съ нашими нуждами. Мы знаемъ, что удовлетворить наши требованія, это значить, измѣнить весь существующій политическій строй. Да, мы знаемъ это и убѣждены въ своей побѣдѣ. Въ насъ нѣтъ и тѣни страха... Посмотрите на этотъ домъ; его выстроилъ рабочій: сперва онъ наложилъ фундаментъ, а потомъ возвелъ стѣны. Отнимите фундаментъ и зданіе рухнетъ, многое въ немъ разобьется въ щепы и только кое что уцѣлѣетъ. Фундаментъ—это рабочій народъ. Все государство выстроено на его шеѣ и всей тяжестью своей лежитъ на немъ, но когда загрубѣвшая рука рабочаго зашевелится,—прощай тогда все государственное зданіе! Выстроенный на его спинѣ дворецъ разлетится въ прахъ и похоронитъ подъ собой всѣхъ шпионовъ и жандармовъ...

Депутатъ *с. Бахви* закончилъ свою рѣчь слѣдующимъ глубокимъ замѣчаніемъ:

Мы требуемъ, чтобы было созвано собраніе выборныхъ народа со всей страны. Только народные представители могутъ выразить потребность народа и только такому представительству мы будемъ довѣрять. Мы знаемъ, что странъ, которыя такъ управляются, много, знаемъ и то, что въ этихъ странахъ есть богатые и бѣдные, порабощенные и поработители. Это—капиталисты и рабочіе, которые ведутъ борьбу между собой. Такъ будетъ и съ нами. И

только послѣ уничтоженія капиталистическаго строя воцарится въ мирѣ равенство и счастье. Это наша дальнѣйшая цѣль.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ

Кромѣ названныхъ выше восьми селеній, Крымъ-Гирей бесѣдовалъ еще съ крестьянами селеній Джварцхми и Эркети.

Сводя всѣ требованія воедино, мы получимъ слѣдующую программу, выставленную гурійскимъ крестьянствомъ:

1) Конфискація всѣхъ удѣльныхъ, церковныхъ и монастырскихъ земель и передача ихъ въ безвозмездное пользованіе всего трудового народа.

2) Передача въ полное распоряженіе крестьянъ надѣльныхъ земель, какъ помѣщичьихъ, такъ и казенныхъ. Земли эти должны перейти въ руки крестьянъ безвозмездно. Выкупные платежи, взятые съ крестьянъ, должны быть возвращены полностью.

3) Учрежденіе выборныхъ крестьянскихъ комитетовъ для проведенія въ жизнь земельной реформы. Выборы въ комитеты должны быть всеобщими, равными, прямыми и тайными.

4) Уничтоженіе всѣхъ косвенныхъ налоговъ и установленіе прогрессивнаго подоходнаго налога, причѣмъ доходы ниже опредѣленной нормы*) должны быть освобождены отъ всякаго обложенія.

5) Уничтоженіе сословій и установленіе полного равенства всѣхъ передъ закономъ. Свобода передвиженій и уничтоженіе паспортной системы.

6) Полная самостоятельность населенія въ дѣлѣ организаціи самоуправленія въ селеніяхъ, обществахъ и округахъ.

*) Во многихъ обществахъ такой высшей нормой свободнаго отъ обложенія дохода указывался доходъ въ 500 рублей.

7) Свобода слова и печати; свобода собраний, союзов и стачек; свобода совѣсти.

8) Неприкосновенность личности и жилища.

9) Выборность судей и отвѣтственность чиновниковъ передъ народомъ.

10) Уничтоженіе постоянной арміи и введеніе всеобщаго вооруженія народа.

11) Отдѣленіе церкви отъ государства. Содержаніе духовенства должно быть предоставлено тѣмъ лицамъ, союзамъ или обществамъ, которыя желаютъ пользоваться услугами духовенства.

12) Свѣтская школа. Устраненіе духовенства отъ дѣла обученія и воспитанія молодежи.

13) Обязательное обученіе дѣтей до 16-лѣтняго возраста: всеобщее, бесплатное, безъ различія пола **).

Для созданія новаго государственнаго порядка въ Россіи, соотвѣтствующаго вышеуказаннымъ началамъ, крестьянство всюду высказалось за:

14) созывъ Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія.

Затѣмъ, крестьяне требовали немедленнаго освобожденія всѣхъ арестованныхъ, высланныхъ и сосланныхъ по политическимъ дѣламъ и пострадавшихъ за борьбу крестьянства съ помѣщиками и духовенствомъ.

Такова программа, которую увезъ съ собою, въ записяхъ секретаря, Крымъ-Гирей. Уѣзжая, онъ обѣщаль сдѣлать все, „зависящее отъ него“, для удовлетворенія предъявленныхъ требованій, но крестьянство отлично понимало,

**) Какъ частное требованіе, которое можетъ быть осуществлено немедленно, многія общества требовали улучшенія быта учителей, повышенія платы и т. п.

чего ему можно ждать отъ правительственнаго чиновника. И оно, конечно, не ошиблось: спустя нѣкоторое время, крестьяне узнали, что Крымъ-Гирей возбудилъ передъ намѣстникомъ ходатайство—1) о замѣнѣ назначенныхъ старшинъ избранными самимъ народомъ, 2) объ открытіи 12 библіотекъ-читаленъ, закрытыхъ по постановленію правительства, 3) о возвращеніи высланныхъ административнымъ порядкомъ и 4) объ удаленіи изъ Гуріи войскъ.

Вотъ все, что нашли возможнымъ преподнести революціонной Гуріи представители правительства. Однако, и изъ этихъ четырехъ пунктовъ ходатайства Гирей намѣстникъ согласился лишь съ первыми двумя,—было снято запрещеніе съ закрытыхъ библіотекъ-читаленъ и удалены правительственные ставленники—старшины въ семи обществахъ Гуріи. Въ дѣйствительности-же, въ этихъ двухъ вопросахъ гурійское населеніе уже и не нуждалось теперь въ какихъ-либо „разрѣшеніяхъ“ правительственной власти, такъ какъ на всей территоріи Гуріи всѣ мѣстныя власти въ это время потеряли уже всякое значеніе; народъ рѣшилъ въ открытую выступить съ своей собственной организаціей самоуправленія и устранить всякое вмѣшательство правительственныхъ властей въ его внутреннія дѣла. До того времени эта организація, частью еще не законченная, пряталась въ подпольѣ.

Мы уже говорили выше, что до приѣзда въ Гурію Крымъ-Гирей—на станцію Нотанеби прибылъ генераль Алихановъ съ войсками, артиллеріей и пулеметами; онъ стоялъ тамъ, пока власти выясняли „требованія“ и, главное, настроеніе гурійскаго населенія. Результаты этого „изслѣдованія“ оказались весьма неутѣшительными для правительства. Было ясно, что если „усмирять“ крестьянъ силою оружія, то придется разрушить всю Гурію, придется брать съ бою каждое селеніе, каждую крестьянскую хижину. „Мы рѣшили бороться за свою долю до послѣд-

ней капли крови"—вотъ что приходилось слышать сплошь и рядомъ Крымъ-Гирею изъ устъ крестьянъ-депутатовъ.

Правительству приходилось подумать. Нужно принять при этомъ во вниманіе два обстоятельства. Правительство, въ лицѣ своихъ мѣстныхъ сатраповъ, конечно, не остановилось-бы передъ полнымъ разореніемъ этого „революціоннаго гнѣзда“, но этотъ разгромъ отразился-бы самымъ губительнымъ образомъ и на помѣщикахъ, которые надѣялись все-таки и въ будущемъ такъ или иначе поладить съ крестьянами и опять засѣсть на ихъ спины; вѣдь безъ этихъ „рабочихъ рукъ“ имъ совсѣмъ нечего дѣлать въ деревнѣ, другія-же „руки“ когда-то еще будутъ... Кромѣ того, въ это время почти всюду носились самые преувеличенные слухи о вооруженной силѣ гурійцевъ; очень многіе изъ непосвященныхъ въ внутреннія дѣла гурійской организациі думали, что крестьянство и гурійцы-рабочіе изъ ближайшихъ городовъ въ одинъ мигъ могутъ выставить до 20 тысячъ хорошо вооруженной милиціи; относительно обученности ихъ военному искусству не было конечно и спора, потому что каждый гуріецъ съ дѣтскихъ лѣтъ уже привыкъ обращаться съ ружьемъ. Такое представленіе о силѣ гурійцевъ, при наличности рѣзко революціоннаго настроенія всей страны, способно было, конечно, сдержать воинственный пылъ храбрыхъ военачальниковъ самодержавнаго правительства.

По отъѣздѣ Кр.-Гирея войска, во главѣ съ Алихановымъ, были передвинуты со станціи Нотанеби въ центръ Гуріи — въ г. Озургеты, но лишь затѣмъ, чтобы снова остаться здѣсь на долгій срокъ въ полномъ бездѣйствіи. Понятно, конечно, что сосѣдство такой крупной вооруженной силы было постоянной угрозой для населенія Гуріи, занятаго мирной перестройкой всего уклада своей жизни. Гурійскій Комитетъ принялъ поэтому всѣ мѣры къ тому, чтобы народъ избѣгалъ открытыхъ столкновеній и на-

оборотъ—старался перетянуть солдатъ на свою сторону. Вскорѣ удалось завязать дружескія связи среди солдатъ и устроить среди нихъ нѣчто вродѣ военной организаціи. По приглашенію Комитета изъ разныхъ мѣстъ прибыли въ Озургеты русскіе и армянскіе товарищи для болѣе успѣшной агитаціонной работы среди солдатъ. Начали съ устройства маленькихъ кружковъ, человекъ по 10—15; потомъ эти кружки насчитывали уже по нѣскольку десятковъ (40—50 чел.). Было устроено даже нѣсколько солдатскихъ митинговъ. Въ казармахъ въ большомъ количествѣ стали распространяться прокламаціи и воззванія къ солдатамъ. Передъ глазами солдатъ былъ живой примѣръ мирной культурной работы гурійскаго населенія надъ устроеніемъ своей жизни, опровергающій всѣ тѣ сказки о „врагахъ отечества“, какими старалось одурачить ихъ, ведя въ Гурію, военное начальство. Поэтому-то языкъ листовъ и прокламацій былъ для нихъ вполнѣ понятенъ. Среди войскъ генерала Алиханова началось броженіе. Солдаты стали нарушать дисциплину, предъявляли къ начальству требованія объ улучшеніи ихъ быта и условій службы и пр. Ясно было, что, живя среди свободнаго народа, солдаты быстро стали сами пропитываться духомъ свободы...

По всѣмъ станціямъ жел. дор., въ предѣлахъ Гуріи, были также организованы солдатскіе кружки, которые по нѣскольку разъ въ мѣсяцъ посѣщаль пропагандистъ-агитаторъ, велъ бесѣду и раздавалъ литературу. Можно съ увѣренностью сказать, что если-бы правительство вздумало теперь натравить эти Алихановскія войска на Гурію, человекъ 800 безъ всякихъ колебаній перешли-бы на сторону народа.

Пришлось войска убрать подальше отъ гурійцевъ. Въ концѣ іюля Алихановъ покинулъ Гурію.

VI. Самоуправленіе Гуріи.

Руководимые Гурійскимъ комитетомъ ^{Р. С. Д. Р. П.} стотысячное насленіе Гуріи совершенно мирно и безъ всякихъ насилій, быстро и увѣренно провело въ жизнь идеи полнаго народнаго самоуправленія. Почти ежедневно въ деревняхъ происходили митинги, сходки, собранія, на которыхъ обсуждались и принимались мѣры устроенія различныхъ сторонъ внутренней жизни. Результатомъ этихъ собраній явилась слѣдующая организація Гуріи: ячейкой являлся кружокъ, состоящій изъ 10 и болѣе человекъ. Каждый кружокъ выбиралъ представителя-десятскаго. Десятскіе выбирали сотскаго, а сотскіе каждого селенія—сельскаго представителя. Сотскіе и сельскіе представители выбирали общественнаго представителя. Эти послѣдніе вмѣстѣ съ сельскими представителями выбирали районнаго представителя. Такихъ районныхъ представителей было семь, такъ какъ вся Гурія, состоящая изъ 25 сельскихъ обществъ, была раздѣлена на 7 районовъ. Нужно сказать, что съ этой чисто демократической организаціей была тѣсно переплетена организація партійная, социальдемократическая. Такъ, изъ 7-ми существовавшихъ районовъ три района—хидиставскій, озургетскій и чохатаурскій—посылали своихъ представителей въ гурійскій комитетъ, такъ какъ выборщики въ этихъ районахъ были всѣ, безъ исключенія, социальдемократы. Къ комитету же тѣсно примыкала периферія, состоящая изъ множества группъ пропагандистовъ и агитаторовъ, разсѣянныхъ по всей Гуріи. Изъ этихъ группъ Комитетъ подбиралъ себѣ новыхъ членовъ. Комитетъ пользовался въ Гуріи громаднымъ, вполне заслуженнымъ вліяніемъ. Къ нему обращались при всякихъ недоразумѣніяхъ, возникающихъ среди населенія, благодаря чему комитетъ принужденъ былъ выдѣлить изъ организаціи особую группу, въ вѣдѣніе которой входила вся область

практической жизни, связанной съ буржуазными основами всего строя, а самъ занялся исключительно пролетарскими, социальдемократическими задачами.

До раздѣленія Р. С. Д. Р. П. на двѣ фракціи („большинство“ и „меньшинство“) всѣ представители, начиная районными и кончая десятскими, назначались комитетомъ, т. е. сверху, благодаря чему самоуправленіе сначала носило централистическій характеръ. Демократическій принципъ восторжествовалъ только послѣ того, какъ „меньшевики“ явились преобладающимъ элементомъ въ организаціи. Въ общемъ трудно провести грань между сферой дѣятельности Комитета и сферой дѣятельности демократическихъ учреждений, до того тѣсно были переплетены эти организаціи.

Высшимъ руководящимъ учрежденіемъ фактически являлось собраніе всего социальдемократическаго коллектива (пропагандисты, агитаторы, районные представители и комитетъ). Собраніе это созывалось разъ или два въ мѣсяць. На этомъ собраніи намѣчался общій планъ дальнѣйшей работы и рѣшались важнѣйшіе вопросы.

Къ комитету примыкала и „военно-техническая комиссія“, которая занималась доставкой оружія, обученіемъ дружинниковъ военному строю, организаціей ихъ и т. д.

Общественная жизнь въ Гуріи была ключемъ. Внѣшнимъ и самымъ яркимъ проявленіемъ развитія общественности являлись митинги, собранія и дискуссіи, устраиваемыя почти ежедневно. Происходило это такъ: секретарь комитета извѣщалъ районнаго представителя о днѣ, мѣстѣ и часѣ собранія. Районный представитель сообщалъ объ этомъ общественнымъ, эти—сельскимъ, сельскіе—сотскимъ, а послѣдніе десятскимъ. Въ назначенный день тысячи людей стекались со всѣхъ сторонъ на указанную площадь. Число присутствующихъ достигало часто 15—20 тысячъ человекъ. Такъ происходило при особо важныхъ явленіяхъ, напримѣръ: при дискуссіи двухъ фракцій, при деба-

тахъ съ соціалистами революціонерами или соціалистами федералистами, при обговореніи важныхъ вопросовъ, касающихся всей Гуріи и пр.

Нужно замѣтить, что соціалистамъ-революціонерамъ и федералистамъ не удавалось никакъ приобрести довѣріе гурійцевъ, несмотря на ихъ энергичныя усилія. Федералистовъ народъ называлъ клерикалами и встрѣчалъ ихъ ораторовъ весьма неодобрительно. Особенно возмущались гурійцы тогда, когда слышали рѣчи объ автономіи. Простые крестьяне съ успѣхомъ выступали противъ такихъ проповѣдниковъ. Слово „автономистъ“ гурійцемъ считалось оскорбительнымъ. Такія замысловатыя вещи, какъ разногласія между меньшевиками и большевиками тоже очень интересовали гурійцевъ. Цѣлые часы простаивали они, со вниманіемъ прослушивая рѣчи тѣхъ и другихъ, причѣмъ нерѣдко сами принимали активное участіе въ спорахъ. Собранія, менѣе многочисленныя, устраивались и пропагандистами каждый разъ, какъ только послѣдніе находили это нужнымъ. Не было случая, чтобы гурійцы отказывались посѣщать эти собранія. Да этого и не могло быть, ибо всѣ они жаждали знаній.

Народныя собранія служили одновременно высшей и послѣдней инстанціей, вѣнцомъ всего самоуправленія въ Гуріи. На этихъ то собраніяхъ и устанавливался, такъ сказать, основной экономической и правовой строй жизни. Прежде всего были разработаны вопросы земельный, лѣсной и пастбищный и вопросъ о судѣ.

Земельный вопросъ. Помѣщики лишились своей власти, которая до того фактически была въ ихъ рукахъ. Войска бездѣйствовали: администрація и полиція чувствовали себя отвратительно и имъ было совсѣмъ не до того, чтобы вмѣшиваться въ дѣла крестьянъ съ помѣщиками.

Земли послѣднихъ фактически были отобраны крестьянами. Въ каждомъ селѣ была образована особая выборная

комиссія, которая распредѣляла всё, имѣющіяся въ наличности, земли между жителями села. Помѣщики, бывшіе владѣльцы, въ этомъ отношеніи также не составляли исключенія; они были вполне уравнены съ крестьянами: всёму давалось земли поровну. Послѣ сѣмки хлѣба эта комиссія обходила поля и опредѣляла, смотря по урожаю, доходность каждаго участка и назначала арендную плату сообразно съ этой доходностью. Эта плата доходила самое большее до 2 рублей за кцеву или около 5 рублей—за десятину. Не во всёхъ обществахъ, однако, придерживались денежной оцѣнки урожая; кое-гдѣ аренда опредѣлялась въ натуральной формѣ—самое большее седьмая часть урожая. Тѣ изъ домохозяевъ, на участкахъ которыхъ не было урожая, или сборъ былъ настолько скуденъ, что его хватало только на собственное продовольствіе семьи, освобождались совсѣмъ отъ всякаго платежа за землю. Были, конечно, случаи и столкновеній за право пользованія земельными участками, захваченными тѣмъ или инымъ обществомъ; крестьяне одного села, на примѣръ, не допускали до обработки земли своихъ сосѣдей, за что тѣ отказывали имъ въ пользованіи пастбищемъ или лѣсомъ. Однако, такіе случаи были довольно рѣдки; обычно для выясненія спорнаго вопроса созывались общія собранія спорящихъ селеній, гдѣ выбиралась комиссія для выработки условій соглашенія и установленія правъ спорящихъ. Такимъ образомъ споры быстро улаживались.

Пастбищный и лѣсной вопросъ. Пастбища всё были въ рукахъ казны и помѣщиковъ. Агенты той и другой стороны успѣшно пользовались безвыходнымъ положеніемъ гурійцевъ и драли съ нихъ за пастьбу скота втридорога. Теперь картина измѣнилась. Первымъ въ дѣлѣ реформы въ этой области выступило общество Бахви, а его примѣру послѣдовали и всё другія общества. Было постановлено не платить больше 10 копѣекъ за голову мелкаго

скота и 15—за голову крупнаго. Владѣльцамъ пришлось, конечно, согласиться съ этимъ. Для контрольного пастбищнаго вопросу была выбрана особая комиссія, которая обязана была слѣдить за выполнениемъ этого постановленія во время взиманія денегъ за пастьбу скота, а также и за пастухами-мингрельцами. Народъ рѣшилъ также принять мѣры для обузданія скупщиковъ одного изъ главныхъ продуктовъ скотоводства—сыра. До сихъ поръ въ этой области царила, такъ сказать, полная свобода торговли; сыръ скупался по селамъ гурійцами-купцами въ громадномъ количествѣ и затѣмъ перепродавался съ большимъ барышемъ, по высокимъ, конечно, цѣнамъ. Имъ сбывали свой сыръ также и скотоводы-мингрельцы, ведущіе свои стада въ Гуріи, зимой—въ долинахъ, а лѣтомъ—на горахъ. На народныхъ собраніяхъ было постановлено, чтобы каждый производитель сыра не могъ продавать въ однѣ и тѣ-же руки болѣе, чѣмъ на 5 рублей этого продукта; затѣмъ, были установлены предѣльныя цѣны, выше которыхъ не должна была назначаться цѣна фунта сыра, именно для коровьяго—выше 10 и для козьяго—8 копѣекъ. На обязанности комиссіи по пастбищному вопросу лежалъ и надзоръ за этой торговлей. Мѣрой наказанія за нарушенія выработанныхъ правилъ по охранѣ пастбищъ и пр. былъ признанъ главнымъ образомъ всесторонній бойкотъ—личный и имущественный, и онъ оказался самой дѣйствительной мѣрой.

Всѣ лѣса также составляли собственность казны и помѣщиковъ. Теперь народъ наложилъ и на нихъ свою руку. Въмѣсто тѣхъ посредниковъ, прикащиковъ, которые такъ ревностно блюли интересы своихъ хозяевъ, была учреждена выборная лѣсная комиссія, на которую возложена обязанность надзора за правильностью использования лѣсныхъ богатствъ. Многие изъ старыхъ лѣсныхъ объѣзджиковъ, перешедшіе на сторону народа, были сста-

влены на своихъ мѣстахъ; немилосердно изгнаны были лишь тѣ изъ нихъ, которые отличались до того жестокостью по отношенію къ крестьянамъ-порубщикамъ. Но на объѣздчикахъ лежала теперь лишь одна обязанность: наблюдать на мѣстѣ за соблюденіемъ выработанныхъ комиссіей правилъ рубки лѣса и доносить ей о замѣченныхъ нарушеніяхъ. Всякая порубка допускалась только съ разрѣшенія комиссіи, причемъ богатые платили за взятый лѣсъ извѣстную плату, бѣдняки-же пользовались лѣсомъ даромъ.

Судъ. По воскреснымъ днямъ каждое селеніе, по приглашенію сельскаго представителя собиралась въ извѣстномъ мѣстѣ. Избирался предсѣдатель, предлагавшій присутствующимъ заявить ему имѣющіяся у нихъ жалобы, претензіи и пр. Спорящія стороны выступали. Если примиреніе между ними, несмотря на усиленныя просьбы, не происходило, то назначался третейскій судъ. Если стороны не желали третейскаго суда, то общество само избирало особую комиссію для разсмотрѣнія возникшаго дѣла. Избранный судъ долженъ былъ черезъ 20 дней доложить общему собранію сельчанъ о производствѣ дѣла и свое рѣшеніе. Если стороны оставались недовольными, то дѣло рѣшалось само обществомъ, къ которому стороны апеллировали черезъ общественнаго представителя. Слѣдующей инстанціей являлась районная организація. Въ случаѣ неотложности дѣла назначалось экстренное собраніе. Въ случаѣ спора между двумя обществами созывалось общее собраніе, на которомъ присутствовали районный представитель и пропагандистъ. Подъ ихъ руководствомъ споръ рѣшался всегда скоро и удовлетворительно.

Въ случаѣ особо важныхъ преступленій собирались жители нѣсколькихъ районовъ и это народное собраніе рѣшало дѣло. Какъ на примѣры, укажемъ на джуматскій и хидиставскій процессы. Въ первомъ случаѣ былъ ограб-

лень Джуматскій монастырь на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Тотчасъ собрался народъ, который избралъ слѣдственную комиссію. Послѣдняя занялась рѣшеніемъ дѣла. О преступленіи была оповѣщена [всѣ] Гурія. Грабители были найдены и схвачены въ продолженіе какой нибудь недѣли. По окончаніи слѣдствія и опубликованія его было назначено собраніе, на которое собралось болѣе 6.000 человекъ. Оно должно было рѣшать дѣло. Довольно значительная часть собранія высказалась за смертную казнь. Пропагандистамъ и агитаторамъ пришлось много потрудиться, чтобы доказать, что смертная казнь является ненужной жестокостью, что свободный гурійскій народъ не можетъ взять на себя роли палача. Наконецъ, грабителей присудили къ заключенію въ монастырь на два года. Это считалось высшимъ наказаніемъ, такъ какъ гурійцы не любятъ поповъ и монаховъ и жизнь съ ними считаютъ невыносимой.

Затѣмъ рѣчь зашла о судьбѣ награбленнаго. Народъ заявилъ, что все монастырское имущество прежде было награблено монахами, обиравшими народъ, и потребовалъ, чтобы всѣ драгоценности были переданы комитету, который долженъ на нихъ вооружить гурійцевъ. Комитетъ, однако, отъ этого дара отказался и посоветовалъ избрать особую комиссію, которой были бы переданы деньги и которая употребила бы ихъ на народныя нужды.

Хидиставскій процессъ возникъ изъ-за ограбленія дилижанса на Насакеральскомъ шоссе. Разбойники были схвачены. Ихъ судило Хидиставское общество.

Оно оправдало преступниковъ, найдя, что преступленіе ихъ является прямымъ слѣдствіемъ несовершеннолетнихъ социальныхъ условій, и взяло съ несчастныхъ честное слово, что они болѣе не будутъ заниматься такими дѣлами.

Нужно сказать, что съ введеніемъ самоуправленія

число преступленій достигло minimum'a, и кромѣ того, ни одинъ преступникъ не остался не разысканнымъ.

Школьный вопросъ. Несмотря на всѣ предпринятые мѣры ставилъ самодержавный режимъ развитію образованія въ Россіи, несмотря на всю казенщину въ дѣлѣ обученія молодежи, гурійцы сумѣли все-таки поставить его у себя на должную высоту, восполняя недостатки школы домашними средствами. Рѣдкій гуріецъ не знаетъ русской и грузинской грамоты, такихъ найдется всего процентовъ 5 или меньше. Озургетскій уѣздъ стоитъ въ первомъ ряду не только на Кавказѣ, но и большинства уѣздовъ Россіи, по количеству учащихся, сравнительно съ общимъ числомъ жителей.

Но все-таки это только лишь грамотность, знаній-же, къ которымъ такъ страстно стремились гурійцы, казенная школа не давала никакихъ. Учителя, которыхъ присылало имъ заботливое начальство, были сплошь и рядомъ людьми невѣжественными и мало пригодными къ тому дѣлу, которое поручалось имъ; многіе изъ нихъ были посажены сюда въ качествѣ проводниковъ обрусительной политики, другіе же оказались позднѣе, когда народъ вступилъ въ борьбу за свободу, прямыми агентами полиціи.

Народъ рѣшилъ теперь покончить съ такой школой и отдѣлаться отъ такихъ учителей.

Когда правительство, послѣ январскихъ событій въ Петербургѣ, закрыло высшія учебныя заведенія Россіи, гурійцы также рѣшили закрыть всѣ свои сельскія и городскія школы. Съ развитіемъ самоуправленія школьный вопросъ былъ поставленъ на первую очередь. Во всѣхъ сельскихъ обществахъ подъ руководствомъ с.-д. организаціи былъ созванъ рядъ сходовъ для обсужденія этого вопроса и школа была быстро возстановлена. Всюду были избраны особые школьные комитеты, на которые и возложена забота о выполненіи воли сходовъ. Нужно было позаботиться о помѣщеніяхъ для школъ, изъ которыхъ мно-

гія пришли въ вѣтхость, опредѣлить расходы на содержаніе ихъ и на жалованье учителямъ, а также установить правильную раскладку расходовъ между жителями разныхъ селеній и т. д.

Комитетъ приглашалъ учителей по рекомендаціи „Союза учителей Кутаисской губерніи“. Программа преподаванія была выработана педагогическимъ съѣздомъ въ Тифлисъ, на которомъ участвовали и представители соц.-дем. комитета. Организованныя на этихъ новыхъ началахъ школы существовали до нашествія Алиханова въ январь 1906 г., когда вмѣстѣ съ возстановленіемъ старой власти, и школы должны были перейти къ казенному образцу.

Такимъ образомъ, благодаря своеобразному сочетанію нѣсколькихъ факторовъ, гурійское населеніе могло фактически отвоевать себѣ свободу въ дѣлахъ мѣстнаго самоуправления и совершенно устранить отъ всякаго вмѣшательства въ свои дѣла представителей правительственной власти. Эта возможность была обусловлена прежде всего причинами социальна-экономическаго характера. Мы уже указывали выше, что громадная часть гурійскаго крестьянства въ экономическомъ отношеніи подходила ближе къ типу сельскихъ пролетаріевъ, чѣмъ самостоятельныхъ хозяевъ. Эксплуатація со стороны землевладѣльцевъ-помѣщиковъ и казны—была значительно сильнѣе и откровеннѣе, сравнительно съ эксплуатаціей промышленныхъ рабочихъ въ городахъ. Средній, зажиточный слой сельской буржуазіи въ Гуріи былъ развитъ очень слабо и потому вліяніе его на общій ходъ жизни земледѣльческаго крестьянства было ничтожнымъ. Вотъ почему демократическія и даже социалистическія идеи нашли себѣ такой свободный доступъ въ головы широкихъ массъ населенія; притомъ-же проводниками этихъ идей въ массахъ были

главнымъ образомъ тѣ-же крестьяне, но только прошедшіе горнило городской выучки, именно промышленные рабочіе. Проповѣдь пропагандиста и агитатора, ~~интердигенца~~ ^{интердигенца} попадала уже на подготовленную почву и потому давала такіе богатые плоды.

Затѣмъ, самый способъ борьбы какъ съ помѣщиками, такъ и съ правительственной властью обрекалъ этихъ послѣднихъ на полнѣйшее безсиліе, именно—пассивный бойкотъ. Что было дѣлать помѣщику, когда поголовно все населеніе заявляетъ ему: или получай десятую часть урожая за взятую у тебя землю, или-же она останется совсѣмъ пустою, къ ней не прикоснется ни одна рука? Что-было дѣлать полицейскому, чиновнику, судѣ, когда къ ихъ помощи не желаетъ обращаться ни одинъ человекъ, когда ихъ услуги совершенно излишни? Немногочисленная крупная буржуазія, конечно, охотно мирилась-бы съ этой „старой“ властью и пользовалась-бы ея услугами, но будучи связана тысячею нитей со всей массой населенія, съ этими „рабочими руками“, она не смѣла нарушать общаго рѣшенія; иначе—всесторонній бойкотъ грозилъ разрушить ея благополучіе.

Сила общественной солидарности была чрезвычайно велика; представители власти и военное начальство, пока Алихановъ стоялъ съ своими войсками въ Озургетахъ, чувствовали молчаливую ненависть къ нимъ народа всякій разъ, когда приходилось по разнымъ поводамъ попасть въ его среду.

Начало общественности было проведено всюду съ большой послѣдовательностью и это создало крѣпкія гарантіи отъ частныхъ правонарушеній со стороны членовъ общества. Предпринять частныя, личныя мѣры противъ такихъ правонарушеній — это было равносильно вторженію въ права общества въ цѣломъ. Крестьянинъ, выпускавшій свою лошадь на пастбу съ путами на ногахъ, несъ нака-

заніе, такъ какъ общество гарантируетъ ему цѣлость его имущества, если-же лошадь и будетъ украдена, то оно найдетъ виновника и подвергнетъ его должному наказанію... Эта мелкая иллюстрація прекрасно обрисовываетъ сущность создавагося уклада.

VII. Засада и бой въ Насакерали.

Всеобщая октябрьская забастовка охватила всю Россію, возмущенную провокаторскими подвигами бюрократическаго режима. Въ воздухѣ запахло кровью. Двѣ враждующія стороны — правительство и народъ — готовились къ рѣшительной борьбѣ.

Маленькая Гурія, отрѣзанная отъ всего міра, нервничала. Революціонное настроеніе, царившее въ Россіи, проникло и сюда, точно электрической токъ. Всѣ были увѣрены, что вотъ-вотъ наступитъ моментъ наивысшаго подъема революціи, моментъ баррикадъ, бомбъ, сраженій, какъ неизмѣнно рисовалось въ пылкой фантазіи гурійца то, что называлось словомъ „революція“. Нужно было подготовиться къ тому, чтобы изгнать окончательно изъ предѣловъ Гуріи тѣхъ, кто былъ все-таки постоянной угрозой новому порядку, а затѣмъ — помочь и другимъ въ трудной освободительной борьбѣ. Первый вопросъ, стоявшій на очереди, былъ вопросъ о вооруженіи народа. Осторожность, съ какою раньше вели свою работу гурійцы, начала уступать мѣсто иному настроенію. Къ полицейскимъ приставамъ съ ихъ командами были предъявлены требованія сдать оружіе народу, а самимъ убраться изъ предѣловъ Гуріи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оружіе было сдано. Въ с. Чохатаури пришлось силой брать квартиру пристава. Станъ былъ окруженъ небольшимъ отрядомъ дружинниковъ. Тринадцать стражниковъ и приставъ были обезоружены и взяты въ плѣнъ. Одинъ изъ стражниковъ вздумалъ было сопротивляться и былъ убитъ.

Вѣсть о такомъ положеніи дѣль внутри уѣзда дошла до уѣзднаго начальника. Послѣдній оказался въ очень скверномъ положеніи: онъ никакъ не могъ сообщить о чохатаурскомъ происшествіи куда следуетъ. Два первыхъ посланца его были схвачены гурійцами, которые оцѣпили всю Гурію и не пропускали, что называется, ни коннаго, ни пѣшаго, казавшагося имъ подозрительнымъ. Были случаи, когда крестьяне арестовывали неизвѣстныхъ имъ пропагандистовъ и агитаторовъ, но ихъ конечно отпускали. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ попытокъ, какому то турку удалось все-таки добраться до Батума чрезъ Аджарскія горы и донести о случившемся.

Время шло. Уѣздный начальникъ, желая сохранить хоть тѣнь уваженія къ власти, взялъ съ собой отрядъ въ 150 человекъ казаковъ и стражниковъ и отправился выручать плѣннаго пристава. Со своимъ отрядомъ явился онъ въ Чохатаури. Тамъ ему сказали, что приставъ увезли въ Суреби, а стражниковъ разсортировали по деревнямъ. Итти въ Суреби уѣздный начальникъ побоялся.

Походъ пристава съ казаками, однако, взволновалъ Гурію. Народъ требовалъ, чтобы его повели на казаковъ. Отовсюду собиралась молодежь. Прибыло даже 60 человекъ грузинъ-мусульманъ изъ Кобулети, тѣхъ самыхъ, которыхъ правительство еще совсѣмъ недавно натравливало на гурійцевъ.

Соціалъдемократическій комитетъ рѣшилъ большинствомъ голосовъ не итти противъ народнаго желанія. Этого было достаточно. Дружинники, подъ предводительствомъ руководителей-агитаторовъ, заняли Насакеральское ущелье, чрезъ которое долженъ былъ возвращаться уѣздный начальникъ.

Черезъ это ущелье проходитъ узкая шоссейная дорога. Съ одной стороны ея высятся угрюмыя скалы, съ другой—

находится пропасть, на днѣ которой, шумя и пѣнясь, изви-
вается рѣка Бахвис-цкали.

Со стороны пропасти, на ея отлогахъ, были устроены
баррикады. На скалы взобрались бомбисты и расположи-
лись въ промежуткахъ баррикадъ.

Все это было устроено на протяженіи трехъ верствъ.
До Озургетъ и въ другія мѣста были поставлены сторо-
жевые посты, для поддержанія связи. Кромѣ того, во всѣ
стороны были отправлены верховые курьеры для развѣдокъ.

Вся Гурія знала о готовящейся засадѣ. Женщины, дѣ-
вушки толпами шли въ Насакерали, неся провизию своимъ
мужьямъ и братьямъ. Онѣ шли съ радостными лицами и
съ пѣснями. Отовсюду шли молодые люди съ кремневыми
ружьями, сгорая нетерпѣніемъ сразиться съ казаками.
Хорошо вооруженныхъ дружинниковъ было здѣсь всего
30 человекъ, находившихся въ авангардѣ. Остальнымъ
дружинникамъ не удалось сразиться, такъ какъ казаки не
успѣли дойти до нихъ. Часть дружинниковъ заняла проходъ
въ Кутаисъ на тотъ случай, если изъ Кутаиса двинутся
войска на подмогу.

Во всей Гуріи не нашлось ни одного, который бы до-
несъ уѣздному начальнику о готовящейся ему встрѣчѣ, не
смотря на то, что дружинники ожидали въ Насакерали
3 дня.

На третій день, вечеромъ, часовъ въ 9, развѣдчики
прискакали на позиціи и сообщили, что вдали показалось
какое то темное пятно. Дѣйствительно, скоро послышался
стукъ колесъ и топотъ лошадей. Это ѣхалъ обозъ казачьяго
отряда. За нимъ шли пластуны и затѣмъ уже ѣхали въ
фаэтонахъ уѣздный начальникъ Лазаренко, мировой судья
Пекарскій и всѣ чохатаурскіе чиновники, которыхъ Лаза-
ренко взялъ съ собой. На позиціяхъ все смолкло. Было
условлено сдѣлать такъ: пропустить весь отрядъ въ засаду
и только тогда, когда въ нее достаточно далеко зайдетъ,

послѣдній человѣкъ изъ отряда, дружинникъ, стоящій на крайней позиціи, долженъ былъ выстрѣлить изъ ружья. Такъ все и случилось. Тишина ночи огласилась тремкимъ ружейнымъ выстрѣломъ. Тотчасъ же со скалы была брошена въ отрядъ бомба. Казаки, обозъ, чиновники въ страхѣ перемѣшались въ кучу. Поднялась невообразимая суматоха. Всѣ бросились обратно, но тутъ ихъ встрѣтила новая бомба и залпъ изъ ружей. Офицеръ скомандовалъ лечь. Полетѣла еще одна бомба.

„Спасайся, кто можетъ“—крикнулъ офицеръ. Часть казаковъ спустилась въ пропасть, перешла черезъ рѣку и поднялась на противоположную гору. Здѣсь они отстрѣливались цѣлыхъ два дня, пока не были перебиты. Часть укрылась въ лѣсу вмѣстѣ съ чиновниками и уѣзднымъ начальникомъ. Ихъ спасло войско, прибывшее на третій день послѣ сраженія. Нѣсколькихъ схватили въ деревняхъ и обезоружили. Жена Пекарскаго съ дѣтьми была оставлена по дорогѣ въ Чохатаури.

Въ этомъ сраженіи погибло до 70 казаковъ. Изъ гурійцевъ былъ убитъ одинъ, но самими-же гурійскими дружинниками—за то, что хотѣлъ снять съ убитаго казака новые сапоги.

Этотъ рѣшительный отпоръ вооруженной силѣ правительства страшно встревожилъ кавказскихъ властей. Примѣру гурійцевъ могли послѣдовать и другіе,—нужно было что-нибудь предпринять, но что можно было сдѣлать въ этотъ бурный моментъ? Насакеральское сраженіе происходило какъ разъ въ то время, когда былъ изданъ октябрьскій манифестъ о россійскихъ свободахъ. Это было время наибольшаго распада центральной правительственной власти, время наивысшаго подъема революціоннаго настроенія широкихъ массъ населенія, не исключая и буржуазіи. Что касается Кавказа, то движеніе еще съ весны захватило не одну только Гурію, но и цѣлый рядъ другихъ мѣст-

ностей—Мингрелию, Имеретию, Картолинию, Кахетию и друг. Всюду, начавши борьбою за землю, население быстро перешло на путь политической борьбы. Вотъ, напримеръ, что пишетъ корреспондентъ „Б. В.“ изъ села Цхинвали, Горійскаго у., Тифл. губ.:

Нашъ уголокъ вмѣстѣ со всей Грузіей волнуется всѣми современными вопросами—національными, аграрными, политическими. Мудреное иностранное слово, прекрасно усвоенное нашими крестьянами—„бойкотъ“—дѣлаетъ жизнь деревенской администраціи и мѣстныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ положительно невыносимой. Ея грозитъ совершенное исчезновеніе за ненадобностью,—дѣль никакихъ. Положимъ, она ничего не дѣлала и въ былое благословенное, спокойное время, но тогда была хоть видимость, возможность бумажнаго дѣлопроизводства и, слѣдовательно, полученія жалованья, а теперь и писать нечего, когда крестьяне, вмѣстѣ съ бойкотомъ администраціи, ввели у себя свое собственное самоуправленіе, выбрали изъ своей среды начальство—тысячныхъ, сотенныхъ и десятскихъ головъ, которые и творятъ всякія малыя и большія дѣла: судятъ и управляютъ. У помѣщиковъ же отобрали всю домашнюю прислугу, рабочихъ; урожай гибнетъ на поляхъ, и прекрасныя княжны принуждены упражняться въ кулинарныхъ и прачешныхъ искусствахъ. Пришлыхъ рабочихъ гонять прочь, да и средствъ на наемъ ихъ у дворянъ не хватило бы при полномъ отсутствіи доходовъ съ имѣній. Впрочемъ, помѣщикамъ данъ выходъ изъ этого невеселаго положенія. Своимъ лозунгомъ крестьяне сдѣлали „эртоба“, что значитъ „единеніе“, подъ которымъ надо понимать и равенство, и братство, и совмѣстное стремленіе къ одной цѣли. Дворянамъ, желающимъ избѣгнуть бойкота, предлагается примкнуть къ этому „эртоба“, которое между прочимъ, требуетъ уступки въ собственность крестьянамъ надѣльныхъ земель, уступки въ даровое пользованіе лѣсовъ и пастбищъ, и довольствованія одной десятой долею урожая съ обрабатываемыхъ крестьянами помѣщичьихъ земель. Требования, какъ видите, не изъ пріятныхъ для помѣщиковъ, но приходится соглашаться на нихъ всѣмъ тѣмъ, кто не имѣетъ свободныхъ фондовъ и не желаетъ умирать съ голоду. Вотъ почему „эртоба“ съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все новыхъ и новыхъ членовъ между помѣщиками, которые обязуются объявлять въ газетахъ о своемъ „эртоба“ съ крестьянами, вполне понявшими и оцѣнившими силу прессы и общественнаго мнѣнія. Такъ обстояло дѣло до самаго послѣдняго времени, когда прошелъ слухъ о томъ, что правительство, внявъ мольбамъ бойкотируемыхъ, идетъ къ нимъ на помощь; что двое

блестящихъ генераль-адъютантовъ изъ грузинъ, героевъ русско-турецкой войны, князя Чавчавадзе и Амилахвари, командируются: первый — для успокоенія Кахетин, второй — Карталини; что они для этого везутъ магическія слова: выкупъ надѣльныхъ земель при помощи правительства, раздача мало-и безземельнымъ крестьянамъ казенныхъ земель, которыхъ на Кавказѣ около 5 миллионновъ десятинъ, введеніе грузинскаго языка въ административныхъ учрежденіяхъ, суда присяжныхъ и другихъ культурныхъ нововведеній.

Слухи эти уже недѣли двѣ волновали населеніе. Наконецъ, 10-го Іюля было объявлено крестьянамъ окружныхъ сельскихъ обществъ прислать выборныхъ въ м. Цхинвали для приѣма князя Амилахвари, который и прибылъ 11-го. Въѣздъ князя въ сопровожденіи довольно внушительной военной силы былъ грандіозенъ. Друзья порядка возликовали. Князь довольно долго бесѣдовалъ съ выборными, просилъ передать народу его личную просьбу успокоиться, забыть всякое „эртаба“ и тому подобныя фанабери... Выборнымъ приказалъ ѣхать въ Тифлисъ для представленія намѣстнику. Когда выяснилось, что многія сельскія общества вовсе не прислали своихъ уполномоченныхъ, то это крайне огорчило князя.

Во время этой мирной бесѣды съ выборными къ князю обратился одинъ дворянинъ, прося защиты отъ крестьянъ, которые грозятъ ему смертью. Генераль и для него нашелъ слово утѣшенія, указавъ на аналогичное положеніе, въ которомъ самъ находится со дня своего бакинскаго генераль-губернаторства, что, однако, его не ввергаетъ въ отчаяніе. Затѣмъ, дотронувшись до длиннаго кинжала, украшавшаго поясъ дворянина, князь сказалъ ему, что Богъ ему далъ правую руку, а правительство — милостивое разрѣшеніе носить оружіе, которое и должно являться въ данномъ случаѣ единственной его защитой.

Выполнивъ, такимъ образомъ возложенную на него миссію и вѣривъ во всеобщее успокоеніе, князь въ тотъ же день отбылъ изъ Цхинвали.

На другой день, когда депутация отъ крестьянъ, по приказанію князя Амилахвари, направилась къ г. Гори, во главѣ съ белотскимъ старшиной, то этотъ послѣдній былъ убитъ выстрѣломъ изъ ружья, направленнымъ неизвѣстной рукой.

Какъ видимъ, картина, въ общемъ, та-же самая, какъ и въ Гуріи. Условія борьбы этихъ народностей, конечно, были нѣсколько иныя, сравнительно съ Гуріей; населеніе послѣдней къ тому времени было уже значи-

тельно подготовлено какъ предшествующимъ опытомъ, такъ и усиленной пропагандистской и агитационной дѣятельностью социальдемократовъ. Кромѣ того Гурія, окруженная со всѣхъ сторонъ горами—эта естественная крѣпость, какъ ее называютъ—была менѣе доступна карательнымъ набѣгамъ правительственныхъ бандъ.

Общій революціонный подъемъ былъ такъ великъ, что центральная власть Кавказа не рѣшилась на этотъ разъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Правда, Алихановъ былъ уже снаряженъ въ путь и двинулся съ войскомъ на Гурію, но онъ дошелъ только до станціи Самтреди,—дальше путь былъ испорченъ. Отовсюду раздавался единодушный протестъ противъ этого новаго похода; пролетаріатъ Тифлиса, Батума, и другихъ мѣстъ, а также и сельскій пролетаріатъ и крестьянство—рѣшили отвѣтить открытымъ возстаніемъ, съ оружіемъ въ рукахъ, разъ Гурія будетъ отдана на разграбленіе, и Алихановъ былъ вторично отозванъ.

Мало того, изъ Озургетъ былъ взятъ и тотъ отрядъ пластуновъ, который былъ присланъ сюда послѣ перваго отозванія Алиханова, въ августѣ мѣсяцѣ. Пластуны оказались совершенно отрѣзанными отъ внѣшняго міра и начальство сочло ихъ дальнѣйшее пребываніе въ центрѣ волнующейся Гуріи по меньшей мѣрѣ бесполезнымъ и даже опаснымъ.

Какъ извѣстно, кутаисскимъ губернаторомъ въ это время былъ либеральный агрономъ изъ с. Квирили—г. Старосельскій, назначенный въ началѣ осени. Это назначеніе было уступкой широко разлившемуся движенію, съ которымъ нельзя было справиться при помощи голой силы; оно говоритъ о той растерянности, которая господствовала въ то время всюду въ правящихъ кругахъ, а также и о полнѣйшемъ непониманіи смысла происходящихъ событій. Что могъ сдѣлать даже самый либеральный изъ губерна-

торовъ, когда вся центральная власть находилась въ рукахъ все тѣхъ-же самовластныхъ бюрократовъ. Развѣ только одно: совершенно устранить отъ всякаго вмешательства во внутреннюю жизнь населенія, т. е. ничего не дѣлать.

Такъ, повидимому, и держалъ себя г. Старосельскій. Смѣлая выходка гурійцевъ при Насакерали испугала его и онъ рѣшилъ отправиться въ Гурію. Но гурійцы въ то время не пропускали къ себѣ ни коннаго, ни пѣшаго, развѣ онъ не былъ извѣстенъ кому-либо изъ мѣстныхъ жителей, или не имѣлъ съ собою пропускнаго свидѣтельства за печатью с.-д. комитета. Такому „странному“ порядку пришлось подчиниться и губернатору. Былъ отысканъ какъ-то Кутаисскій комитетъ, который и послалъ по просьбѣ губернатора, своего дружинника въ Гурію съ вопросомъ—желаетъ-ли она пропустить къ себѣ губернатора? Гурійцы согласились. В. Старосельскій прибылъ сначала въ Чохатаури, но былъ направленъ отсюда въ Хидистави; здѣсь пришлось ему побывать на засѣданіи с.-д. организациі (коллектива). Цѣлью его пріѣзда было—предостеречь гурійцевъ отъ такихъ насильственныхъ выступленій, какъ арестъ правительственныхъ властей и особенно какъ Насакеральское столкновение; онъ предупреждалъ, что при такомъ поведеніи населеніе Гуріи можетъ постигнуть самая серьезная кара и просилъ организацию въ этомъ именно миролюбивомъ духѣ вліять на гурійцевъ. Затѣмъ губернаторъ побывалъ въ Озургетахъ, далъ соответственныя инструкціи мѣстнымъ властямъ и, подъ охраной вооруженныхъ дружинниковъ гурійской организациі, вернулся въ Кутаисъ. Это было въ концѣ октября мѣсяца. Спустя недѣли двѣ, въ срединѣ ноября, въ Гурію прибылъ вице-губернаторъ А. Кипшидзе, назначенный на эту должность вмѣстѣ съ В. Старосельскимъ. На станціи Нотанеби его встрѣтила гурійская вооруженная дружина, что нѣсколько

смutilo либеральнаго начальника; однако, дружинники заявили ему: „пока вы будете у насъ въ Гуріи, мы будемъ сопровождать васъ всюду и слѣдить, чтобы ~~никакой~~ ~~никуда~~ хулиганъ не сдѣлалъ что-либо съ вами, и не свалить потомъ на насъ-гурійцевъ“.

16 ноября Кипшидзе въ Озургетахъ обратился къ депутатамъ народа съ рѣчью и объяснилъ имъ цѣль своего приѣзда: послѣ 17 октября, сказалъ онъ, въ Россіи учреждается новый политическій порядокъ и, слѣдовательно, отношенія между народомъ и правительствомъ должны измѣниться; вы, гурійцы, бойкотировали до сихъ поръ всѣ правительственныя учрежденія, но теперь это дѣло нельзя будетъ оставить въ старомъ положеніи; какъ нибудь оно должно быть урегулировано, иначе Гурію можетъ постигнуть крупное несчастье...

Внимательно выслушали депутаты эту рѣчь и отвѣтили: мы готовы снять бойкотъ съ конституціоннаго правительства, суда и администраціи, но сомнѣваемся, чтобы прежніе чиновники могли честно выполнять манифестъ 17 октября; мы считаемъ необходимой смѣну всей мѣстной администраціи, начиная съ высшихъ и кончая послѣднимъ сторожемъ; народъ смотритъ на нее съ отвращеніемъ и ни за что не будетъ имѣть съ ней какое бы то ни было дѣло. Должны быть выбраны новые судьи и чиновники,—сознательные и проникнутые новымъ духомъ и направленіемъ. Народъ убѣжденъ, что чиновники, служившіе старому порядку, не способны ни усвоить, ни провести въ жизнь началъ свободнаго строя. Съ новой-же администраціей народъ примирится. Особенно важно, добавили депутаты, чтобы чиновники имѣли вполне ясное понятіе о правахъ народа,—о свободѣ собраній, слова, печати, о личной неприкосновенности гражданъ и проч.

Далѣе Кипшидзе повелъ-было рѣчь о необходимости уплаты налоговъ, о выдачѣ рекрутовъ, но и въ этомъ по-

лучилъ отрицательный отвѣтъ отъ представителей народа.

На сценѣ опять появилась „почетная“ депутация и проводила начальника до границъ Гурійскаго уѣзда. Народъ, эти низы крестьянства и рабочіе, имѣли болѣе ясное представленіе о томъ, что такое конституція и какъ она создается; и ему чужды были тѣ радужныя мечты, которыя лелѣяла послѣ выхода въ свѣтъ бумаги 17 октября либеральная буржуазія во всѣхъ углахъ Россіи. Нужно замѣтить вообще, что этотъ, забытый теперь уже, манифестъ былъ встрѣченъ гурійцами довольно хладнокровно и съ большимъ недоувѣріемъ. На правительство не возлагалось уже ни малѣйшихъ надеждъ, въ немъ видѣли только врага народа и потому всякій актъ съ его стороны, особенно съ виду благожелательный, вызывалъ только подозрѣніе и новую осторожность. Отъ многихъ гурійцевъ можно было слышать въ то время, что манифестомъ дано значительно меньше, чѣмъ уже имѣли гурійцы; свободы они отвоевали себѣ энергичной борьбой, но кромѣ того они значительно реформировали и область экономическихъ отношеній въ деревнѣ, провели почти полностью начала мѣстнаго самоуправления и т. д.

Многіе гурійцы прочли впервые манифестъ 17 октября на полѣ сраженія при Насакерали.

Итакъ, къ концу года, когда по всей Россіи шла отчаянная борьба съ самодержавнымъ порядкомъ и кровь пролетаріевъ лилась рѣкой, гурійцы оказались господами положенія въ своей маленькой странѣ. Въ концѣ ноября было рѣшено провести начала самоуправления и въ мѣстномъ административномъ центрѣ, городѣ Озургетахъ. Небольшой гарнизонъ, оставленный тамъ властями послѣ отозванія пластуновъ, и мѣстная полиція не имѣли для гурійцевъ никакого значенія. И вотъ, въ одинъ прекрасный

день въ городъ прибыла масса крестьянъ и рабочихъ изъ окружающихъ селеній. Въ центрѣ города, на Майданѣ, жители его, вмѣстѣ съ пришедшими, устроили громадное собраніе, на которомъ, послѣ обсуждения, было рѣшено смѣстить служащихъ по городскому управленію и избрать новыхъ лицъ. Правомъ голосованія пользовались всѣ присутствовавшіе взрослые граждане, безъ различія пола, религіи и національности; голосовали даже тѣ, кто прибылъ въ Озургеты всего лишь нѣсколько дней тому назадъ. Выбраннымъ лицамъ даны были надлежащія указанія или инструкціи по разнымъ отраслямъ городского хозяйства и собраніе съ пѣніемъ пѣсенъ мирно разошлось.

Этимъ было закончено демократическое устройство мѣстнаго самоуправленія Гуріи.

Изъ Россіи, между тѣмъ, отовсюду шли самыя поразительныя вѣсти. Всеобщая желѣзнодорожная забастовка, рядъ вооруженныхъ возстаній въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ—въ Москвѣ, донецкомъ районѣ, Ростовѣ, Прибалтійскомъ краѣ и пр. Всѣ эти извѣстія доходили, конечно, до гурійцевъ въ самомъ отрывочномъ, часто—искаженномъ видѣ... Можно себѣ представить, какъ они дѣйствовали на ихъ пылкое воображеніе! Революція началась! Народъ возсталъ всюду и надо спѣшить помогать въ общей борьбѣ за свободу!.. Нужно также обезпечить и Гурію на тотъ случай, если въ этой открытой борьбѣ побѣдитъ старый порядокъ. Но для открытой борьбы необходимо оружіе.

Дѣло вооруженія народа вообще было очень плохо поставлено въ Гуріи. Мы уже указывали раньше, какіе преувеличенные слухи о вооруженіи гурійцевъ ходили повсюду *). Выходило такъ, что чуть не всѣ гурійцы воору-

*) Особенно старались на этотъ счетъ такіе органы печати, какъ „Новое Время“ и „Моск. Вѣд.“, которые всячески подталкивали правительство на разгромъ этого „революціоннаго гнѣзда“.

жены винтовками и даже имѣютъ свои пушки, а ихъ дружина—это цѣлая армія... На дѣлѣ было не такъ. Въ эти бурные дни во всей Гуріи можно было найти какихъ-нибудь тысячи двѣ ружей, годныхъ для боя, но изъ этого количества не всѣми можно было воспользоваться за недостаткомъ патроновъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ нужный моментъ Гурія могла-бы дать громадную армію храбрыхъ и искусныхъ борцовъ, желающихъ съ оружіемъ въ рукахъ постоять за свободу страны, за свободу всей Грузіи. Въ бурные дни гурійская дружина въ нѣсколько сотъ чело-вѣкъ по первымъ, смутнымъ вѣстямъ бросалась въ разныя стороны на помощь борцамъ—въ Батумъ, въ Тифлисъ и пр., но благодаря отсутствію общаго, центрального руководства борьбой, ей ни разу не пришлось приложить свои силы, кромѣ м. Квирилы.

Недостатокъ вооруженія приходится поставить въ вину мѣстной руководящей организаціи. Правда, существовала особая комиссія, вѣдавшая это дѣло, но она почти цѣликомъ состояла изъ неспеціалистовъ, а главное—находилась въ полной зависимости отъ комитета. Существенная сторона, однако, не въ этомъ; никакая комиссія не могла, конечно, снабдить оружіемъ весь народъ: это дѣло самаго народа. Гурійцы положительно рвались къ тому, чтобы какъ нибудь раздобыть вооруженіе. „Продамъ послѣдняго быка за ружье!“—вотъ что слышалось въ народѣ. Авторитетъ комитета былъ настолько силенъ, что безъ его разрѣшенія не предпринималось ни одного важнаго шага, но въ данномъ случаѣ отъ него, или хотя-бы отъ специальной комиссіи, требовалось лишь общее руководство дѣломъ, само-же вооруженіе прекрасно выполнилъ-бы самъ народъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ с. Ланчхути было образовано товарищество, которое добыло кое-какія деньги и приступило къ организаціи собственныхъ мастерскихъ для выдѣлки боевыхъ ружей, но вмѣшательство нѣ-

которыхъ представителей организаціи затормозило все дѣло. Былъ и такой случай: организація, социалистовъ-федералистовъ доставила черезъ Черное море, большое количество ружей (на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей) и выразила желаніе раздать ихъ народу, но это предложеніе было отвергнуто: комитетъ не пожелалъ, чтобы федералисты вооружили народъ. Несомнѣнно, что послѣдніе хотѣли такимъ путемъ приобрести себѣ расположеніе гурійцевъ, но столь-же несомнѣнно и то, что они ошиблись-бы въ расчетахъ *). Предложеніе было отвергнуто, но мѣстной организаціей была послана дружина, чтобы отбить оружіе у федералистовъ силой: небольшая часть его была дѣйствительно взята, но громадная часть попала въ руки правительства.

Были и другіе случаи неудачнаго выступленія руководителей организацій, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ дѣлѣ вооруженія народа. Все это сильно огорчало гурійцевъ и мѣстами создало даже враждебное отношеніе ихъ къ своимъ идейнымъ руководителямъ. Съ какимъ отчаяніемъ говорили гурійцы въ дни разгрома Гуріи о томъ, что они принуждены быть теперь молчаливыми свидѣтелями варварскаго раззоренія родины, что они не могутъ съ оружіемъ въ рукахъ грудью своей постоять за нее...

Но пока волны революціоннаго движенія вздымались по всей Россіи и Кавказу, гурійцы могли быть спокойны за свою страну и съ тѣми вооруженными силами, какія были въ ихъ распоряженіи. Силы правительства были разбросаны по всей странѣ и ему приходилось ждать,

*) Мы уже говорили выше, что федералисты, какъ и другія партіи, кромѣ соц.-дем., не пользовались ни малѣйшимъ вліяніемъ среди гурійскаго населенія. „Федералистъ“—это было ругательнымъ словомъ для гурійца.

когда хоть частью стихнет забастовочное движеніе, чтобы приступить къ расправѣ.

Въ декабрѣ всеобщая желѣзнодорожная забастовка приостановила всякое движеніе по дорогамъ Кавказа. Поезда, какъ и въ остальной Россіи, пускались исключительно въ интересахъ общей борьбы и всѣмъ дѣломъ управляли выборные стачечные комитеты. Путь, ведущій изъ Тифлиса въ Батумъ, по границѣ Гуріи, былъ мѣстами разобранъ.

Но сила движенія стала уже стихать. Неудачный исходъ вооруженныхъ возстаній на югѣ и въ центрѣ Россіи сильно ослабилъ энергію борьбы. Наступили дни реакціи и карательныхъ экспедицій, дни, кровью записанные на страницахъ исторіи Россіи.

VIII. Разгромъ Гуріи.

Въ началѣ января 1906 года кутаисскимъ генераль-губернаторомъ былъ назначенъ Алихановъ, который немедленно и направился туда изъ Тифлиса. Всему Кавказу была объявлена рѣшительная война, но первыми попали подъ ножъ палачей менѣе защищенные его части, гдѣ движеніе не успѣло еще охватить всей массы населенія. Еще раньше въ Карталинію и Кахетію было послано довольно значительные военные отряды со всѣми атрибутами, необходимыми для продолжительнаго военнаго похода. Затѣмъ, послѣ разоренія этихъ уголковъ Кавказа, войска двинулись въ Западную Гурію—Имеретію, Мингрелію и Гурію. Когда Алихановъ былъ еще въ Тифлисѣ, его посѣтилъ кутаисскій предводитель дворянства кн. Церетели; новый генераль-губернаторъ рѣшительно увѣрялъ послѣдняго, что онъ совсѣмъ не намѣренъ прибѣгнуть къ репрессивнымъ мѣрамъ, если, конечно, народъ выполнитъ его требованія, т. е. выставитъ рекрутовъ, уплатитъ налоги и проч. Войска-же, по словамъ генерала, посланы лишь для

того, чтобы возстановить движеніе по желѣзной дорогѣ. Такъ говорилъ генераль, но вѣдь извѣстно, что значить „генеральское слово“...

6-го января войска двинулись, послѣ жаркаго боя, со станціи Михайлово къ ст. Ципа (Кутаисск. губ.). Отъ Варварина имъ пришлось уже идти пѣшкомъ, такъ какъ путь былъ частью разрушенъ, частью же загражденъ.

Нужно замѣтить, что вѣсти о прекращеніи желѣзнодорожной забастовки на Кавказѣ „пришли въ Грузію и другія мѣста Западной Грузіи слишкомъ поздно, и потому, когда изъ Тифлиса двинулись уже по желѣзной дорогѣ многочисленныя „карательныя“ отряды въ разныя мѣста, гурійцы еще продолжали свою борьбу. Смѣшанная дружина, пришедшая изъ Гуріи и другихъ сосѣднихъ мѣстъ, перваго января напала на гарнизонъ въ Квирили и, послѣ небольшой схватки, разоружила его. Эта дружина и стояла теперь у ципскаго прохода и войска, дзигавшіяся въ Гурію, не рѣшились напасть на нее; дружина также пропустила ихъ безпрепятственно, такъ какъ сила ея была не настолько велика, чтобы разсчитывать на успѣхъ при данной обстановкѣ.

Вѣсти о движеніи войскъ и о разгромѣ ими Восточной Грузіи дошли, между тѣмъ, и до населенія и оно массами стало скрываться въ горы, оставшіяся-же, изъ болѣе жилищныхъ слоевъ, встрѣчали нерѣдко храбрыхъ военачальниковъ съ бѣлыми флагами и хлѣбомъ-солью.

Ципскій проходъ былъ занятъ, хотя и не безъ труда и дальнѣйшее движеніе войскъ оставляло послѣ себя сплошную полосу развалинъ и пепелищъ. На ст. Молиты было разстрѣляно нѣсколько человекъ. Въ Бѣлогорахъ казаки подожгли лавки и надъ мѣстечкомъ стоялъ громадный огненный столбъ; сожжено было до 30 лавокъ. На станціи Шаропани казаки, послѣ разграбленія, предали огню почти всѣ лавки и дома мѣстныхъ жителей.

Когда войска, во главѣ съ Алихановымъ, прибыли въ м. Квирили, населеніе, толпою тысячъ ~~двѣдцати~~ ^{двѣдцати} ~~человѣкъ,~~ съ бѣлыми флагами и иконами предстало ~~передъ~~ ^{передъ} ~~главнымъ~~ ^{главнымъ} генераломъ, чтобы просить его не опустошать ихъ края. Алихановъ спросилъ народъ, извѣстны-ли ему его требованія?

— Извѣстны, былъ отвѣтъ.

— Согласны-ли вы исполнить ихъ?

— Согласны!

Требованія были таковы: 1) уплатить казнѣ въ недѣльный срокъ 201.639 руб. 56 коп., взятыя изъ мѣстнаго казначейства; 2) возстановить въ мѣсячный срокъ всѣ сожженныя зданія учреждений и школъ; 3) уплатить всѣ налоги; 4) дать рекрутовъ и возратить оружіе, отобранное у гарнизона; 5) удовлетворить немедленно дворянъ-помѣщиковъ за тѣ убытки, которые понесены ими въ предшествующее время; 6) возратить всѣхъ арестантовъ, выпущенныхъ изъ тюрьмы и 7) выдать всѣхъ агитаторовъ и главарей движенія.

Изъ толпы, однако, выступилъ ораторъ, который въ яркихъ краскахъ изобразилъ бѣдственное положеніе населенія и всю непосильность для него удовлетворить эти непомерныя требованія.

Алихановъ разсвирѣпѣлъ и, обратившись къ народу спиной, крикнулъ: „не позволять больше говорить сомной подобнымъ дуракамъ! До сихъ поръ говорилъ съ вами я, а теперь будутъ говорить ружья и пушки!“

И живописная мѣстность, на которой расположено м. Квирили, была скоро покрыта безобразной грудой пепла и развалинь...

На станціи Свири было то-же самое и кромѣ того помощнику начальника станціи была отрублена шашкой ~~го-~~ голова. На ст. Аджамети были разстрѣляны 12 человекъ

делегатовъ стачечнаго комитета, и такъ далѣе—по всемъ мѣстамъ, гдѣ побывали войска.

Несмотря на это, въ Кутаисѣ, въ продолженіе кроваваго воскресенья въ Петербургѣ, 9-го января, была объявлена всеобщая однодневная забастовка. Начальникъ гарнизона объявилъ, что онъ предастъ огню весь городъ, если черезъ два часа забастовка не прекратится; гражданскія власти всячески упрашивали рабочихъ подчиниться требованію начальника, но все было напрасно: забастовка всетаки прошла полностью. Въ полдень прибылъ въ Кутаисъ отрядъ войскъ; по улицамъ пошли патрули, начались обыски, а къ ночи начались поджоги и городъ пылалъ во многихъ мѣстахъ. 10 января губернаторъ Старосельскій созвалъ представителей сословій—дворянства, духовенства, крестьянъ и купцовъ—и просилъ ихъ помочь ему въ дѣлѣ успокоенія населенія губерніи. Представители изъявили полное согласіе, но съ своей стороны просили, чтобы населенію дана была возможность организовать свою стражу, на что губернаторъ согласился.

Однако, въ тотъ-же день Старосельскій и Капшидзе были потребованы Алихановымъ въ Квирили, а оттуда, подъ охраной, были отосланы въ Тифлисъ. Такъ кончилась эра „либеральнаго“ правленія въ Кутаисской губерніи; какъ только нѣсколько утихла гроза массоваго движенія пролетаріата, правительство заговорило съ народомъ языкомъ „ружей и пушекъ“.

10 января на ст. Нотанеби прибылъ полковникъ Крыловъ съ нѣсколькими тысячами солдатъ и казаковъ. Тотчасъ же по прибытіи они приступили къ обыскамъ. Всѣ лавки и дома были тщательно обшарены. Найденныя у жителей деньги и цѣнности, золотые и серебряные часы и другія, подходящія для легкаго сбыта, вещи были конфискованы. Послѣ обысковъ начался пожаръ. Сгорѣли всѣ лавки и дома. Человѣческихъ жертвъ не было.

На другой день, 11 января, войско, не встрѣчая никакихъ препятствій, направилось къ городу Озургетъ. Навстрѣчу имъ изъ города были посланы депутаты для выясненія намѣреній правительства и причинъ бѣдствій въ войскѣ. Полковникъ встрѣтилъ депутатовъ довольно мягко и заявилъ, что онъ не будетъ прибѣгать къ репрессіямъ.

Имъ были выставлены слѣдующія требованія:

- 1) Выдать агитаторовъ, дѣйствующихъ въ Гуріи. (Полк. Крыловъ прочелъ списокъ лицъ, подлежащихъ выдачѣ).
- 2) Выдать дезертировъ-солдатъ, скрывающихся въ Гуріи.
- 3) Уплатить до 1 февраля подати и налоги за прошлый и нынѣшній года.
- 4) Выдать все оружіе, имѣющееся въ Гуріи.
- 5) Произвести въ текущемъ году наборъ солдатъ.

Депутаты отвѣтили, что они сообщать объ этомъ народу, и высказали надежду, что по возможности всѣ требованія будутъ удовлетворены. Депутаты отправились въ городъ и успокоили напуганныхъ обывателей заявленіемъ Крылова, что онъ не будетъ прибѣгать къ репрессіямъ. Населеніе успокоилось и осталось въ городѣ. По прибытіи Крылова вечеромъ всѣ дома подверглись обыску и, какъ въ Нотанеби, повторилось разграбленіе цѣнныхъ вещей. Вслѣдъ за обыскомъ начался пожаръ. Сгорѣло въ эту ночь только 6 домовъ. Испуганные жители убѣгали въ лѣса и горы, и зарево пожара освѣщало ужасную картину ихъ бѣдствій. Нѣкоторые въ зимнюю стужу выбѣгали въ нижнемъ бѣльѣ и спасались такимъ образомъ. Говорятъ, много женщинъ и дѣтей погибло на дорогѣ отъ холода и голода.

Но особенно сильное волненіе вызывали слухи объ изнасилованіи женщинъ, оставшихся въ городѣ.

На другой день начался сплошной пожаръ. Сгорѣли почти всѣ дома и магазины.

Послѣ этихъ происшествій по всей Гуріи были собранія. На этихъ собраніяхъ выбрали ~~депутатовъ~~ отъ каждаго общества для переговоровъ ~~съ полковникомъ~~ Крыловымъ. Полковникъ ихъ принялъ очень холодно, повторилъ тѣ же самыя требованія и назначилъ срокъ для ихъ выполненія. Особенно онъ напиралъ на то, чтобы гурійцы выдали 3.000 винтовокъ съ патронами и револьверы. Депутаты отвѣтили, что они выплатятъ подати, но не сейчасъ, а когда будутъ въ состояніи, такъ какъ населеніе Гуріи въ настоящее время сильно бѣдствуетъ. Требованіе относительно набора солдатъ они обѣщались удовлетворить.

Агитаторовъ и дезертировъ, заявили депутаты, народъ не можетъ выдать, такъ какъ никто не знаетъ, куда они скрылись. „У васъ есть списокъ, ловите!“ отвѣтили они.

Оружіе они обѣщали выдать, но только не въ такомъ количествѣ и при томъ не винтовки, а охотничьи ружья и берданки, имѣющіяся въ очень ограниченномъ количествѣ. Полковникъ Крыловъ категорически требовалъ выдачи 3.000 винтовокъ, на что одинъ изъ депутатовъ, почтенный старикъ, возмущенный такимъ требованіемъ, рѣзко отвѣтилъ ему: „Господинъ полковникъ, отберите у насъ все оружіе, дайте намъ 3.000 винтовокъ, отправляйтесь въ Нотанеби, прибавьте еще войска и попробуйте тогда вновь вступить въ Озургеты. Посмотримъ, какъ это легко вамъ удастся!“ Полковникъ усмѣхнулся, зашелъ въ свой кабинетъ и, захлопнувъ за собой двери, не далъ депутатамъ никакого отвѣта. Послѣ переговоровъ полковникъ Крыловъ отправилъ часть своего войска въ Нагомари—центръ Гуріи.

Такъ началась оргія карательныхъ экспедицій по всѣмъ уголкамъ Гуріи. Трудно изобразить всю картину опустошенія страны; въ этой „работѣ“ храбрыхъ военачальниковъ не было ни цѣли, ни смысла, ни какой-либо системы:

„крамолы“; въ движеніи послѣднихъ лѣтъ они дѣйствительно играли первую роль.

„Усмирители“, однако, не рѣшались ^{начать свое} дѣло разрушенія Гуріи съ этихъ селеній, ^{такъ какъ} думали встрѣтить тамъ рѣшительный отпоръ. Теперь этого можно было не опасаться, такъ какъ вся остальная Гурія была покорена и не дала ни одного выстрѣла въ свою защиту.

На Хидистави было устроено Крыловымъ три набѣга. Въ первый разъ было сожжено много домовъ, причемъ въ выборѣ ихъ поджигатели-усмирители руководились спискомъ агитаторовъ, бывшимъ у Крылова. Самихъ этихъ „агитаторовъ“ сыскать, конечно, рѣдко удавалось, такъ какъ большая часть населенія къ приходу поджигателей разбѣжалась въ разныя стороны. Во второй разъ, 11 марта, казаки и солдаты прибыли въ Хидистави съ особыми дорогами, предназначенными для нагрузки награбленнаго добра. Насиліямъ и издѣвательствамъ не было конца. Крыловъ потребовалъ даже, чтобы хидиставцы сами разрушили свои дома въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, грозя въ противномъ случаѣ спалить все селеніе до тла; жители совершенно растерялись: спасать-ли тѣ остатки имущества, которые были еще въ избахъ, или разрушать самыя избы? Но это было лишь простымъ издѣвательствомъ надъ беззащитнымъ населеніемъ. Казаки съ гикомъ и свистомъ носились по селу, избивая нагайками всякаго, кто попался на глаза. Плачъ женщинъ и дѣтей, стоны и проклятія мужчинъ, гиканье разнузданной шайки грабителей и зарево пожаровъ—вотъ картина этихъ дней.

Для большей потѣхи казаки приказали жителямъ избирать уполномоченныхъ для выборовъ въ Гос. Думу, причемъ указали своего кандидата...

23 марта карательный отрядъ въ 300 человекъ, во главѣ съ Крыловымъ, съ пушками прибылъ въ м. Суреби.

Еще раньше къ жителямъ этого общества Крыловымъ были предъявлены требованія: выдать властямъ, по винтовкѣ съ дома, 2 пушки, 200 бомбъ, 5 агитаторовъ-пропагандистовъ, всѣхъ милиціонеровъ и уплатить налоги и недоимки.

Такова своеобразная контрибуція, которою должны были откупиться отъ разоренія жители Суреби. Но, очевидно, что они не удовлетворили этихъ требованій, да и не могли ихъ удовлетворить, такъ какъ нельзя выдать того, чего нѣтъ; теперь, съ приходомъ войскъ, они подверглись страшнымъ гоненіямъ. Мѣстечко было совершенно разграблено и частью сожжено. Это былъ настоящій непріятельскій набѣгъ, со всѣми его ужасами.

Крыловъ все-таки рѣшилъ розыскать милиціонеровъ и съ этой цѣлью часть его отряда, съ пушками, двинулась въ суревскій лѣсъ, но гористая мѣстность не позволила отряду добраться до назначеннаго пункта. Лѣсъ былъ обысканъ небольшимъ пѣшимъ отрядомъ, но милиціонеровъ нигдѣ не оказалось.

Вотъ краткія черты картины разрушенія, которому подверглась Гурія со стороны войскъ и казаковъ. Для большей полноты ея приведемъ еще слова генерала Алиханова изъ его доклада намѣстнику; онъ писалъ:

„Въ кутаисской губ. войско не сжигало ни одного дома и всѣ жалобы на него есть преступная клевета, вымышленная врагами порядка; они стараются свалить на войско всю вину въ несчастіяхъ народа и сдѣлать его отвѣтственнымъ за всѣ, бывшіе въ Кутаисской губ., разбои, грабежи и поджоги...“

Ему нѣтъ дѣла до того что тысячи, десятки тысячъ людей были свидѣтелями этого разрушенія, этихъ поджоговъ; тысячи людей остались безъ крова, безъ куска хлѣба, чистыми голышами, потому что все, что у нихъ было, сожжено казаками и солдатами по приказу Кры-

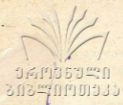
лова и Алиханова. Были случаи, когда наблюдалась даже какая-то планомѣрность въ поджогахъ: въ селеніи Парцхма офицеръ былъ такъ „благоубежденъ“, что успокоивалъ нѣкоторыхъ, говоря: не спѣшите, вы успѣете вытащить свои пожитки, поджигать будутъ не съ вашего конца...

Гурійскій народъ понесъ страшную кару за свое стремленіе къ свободѣ, за попытку устроить свою жизнь по своему. Но это не сломило его духа. Этотъ горькій опытъ только еще разъ, и надо думать послѣдній разъ, подтвердилъ тотъ выводъ, который сдѣлалъ онъ еще раньше, идя по своему трудному жизненному пути: только съ полнымъ уничтоженіемъ самодержавія и съ созданіемъ вполнѣ демократическаго строя въ Россіи возможно будетъ мирное развитіе жизни; только тогда будетъ разчищенъ путь для успѣшной борьбы за лучшую долю трудящихся. Это знали гурійцы и раньше: теперь они собственнымъ опытомъ узнали еще то, какихъ звѣрей въ человѣческомъ образѣ воспитываетъ на своей груди самодержавная монархія, какъ беспощадно мститъ она за свое временное пораженіе; имъ стало ясно, что только въ дѣйствительной, вооруженной силѣ они могутъ найти опору въ своей дальнѣйшей борьбѣ за свободу страны.

Съ другой стороны, опытъ предшествующей борьбы и тяжелые дни разоренія дали возможность наиболѣе сознательной, пролетарской массѣ населенія отличить своихъ истинныхъ друзей отъ сомнительныхъ элементовъ и выяснить всѣ недостатки организациі революціонныхъ силъ. Теперь всплыли на поверхность тѣ подонки помѣщичьей среды и духовенства, которые раньше, въ дни полного господства народа, притворялись его друзьями и на народныхъ собраніяхъ нерѣдко заявляли себя даже социальдемократами. Въ дни реакціи и господства нагайки

многіе изъ помѣщиковъ занялись пропагандой нововременскаго патриотизма; была даже основана партія „истинно-грузинскихъ лекдей“ по образцу „истинно-русской“ партіи погромщиковъ, шпіоновъ и провокаторовъ. Однако, эти „истинно-грузинскіе люди“ тоже ошиблись въ разчетахъ: временный успѣхъ сгнившаго самодержавія они приняли за конецъ революціи и поторопились показать свою настоящую шкуру. Во главѣ этой „партіи“ стоятъ: бывшій монахъ Мельхиседекъ Накашидзе и мировой посредникъ въ Гуріи Никоки Такайшвили (братъ извѣстнаго елисаветпольскаго погромщика).

Къ предстоящему подъему революціонной волны въ Россіи и разоренная Гурія снова собираетъ свои силы, сзываетъ разогнанныхъ сыновъ своихъ; и нѣтъ сомнѣнія, что она будетъ находиться въ переднихъ рядахъ въ этой общей борьбѣ за свободу.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. Экономическое и политическое положение крестьянства . . .	5
II. Волнения въ Батумѣ и неурожай 1901 года; начало движенія .	10
III. Уроки политическаго воспитанія	17
IV. Организация боевыхъ силъ; періодъ систематической пропаганды и агитаци	22
V. Требования гурійскаго крестьянства	34
VI. Самоуправленіе Гуріи	61
VII. Засада и бой въ Насакерали	71
VIII. Разгромъ Гуріи	84

ქართული
ნაციონალური
ბიბლიოთეკა

1278 / 1286

10501

ქართული
ზოგრაფიული